
UC-NRLF
$B 135 399

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

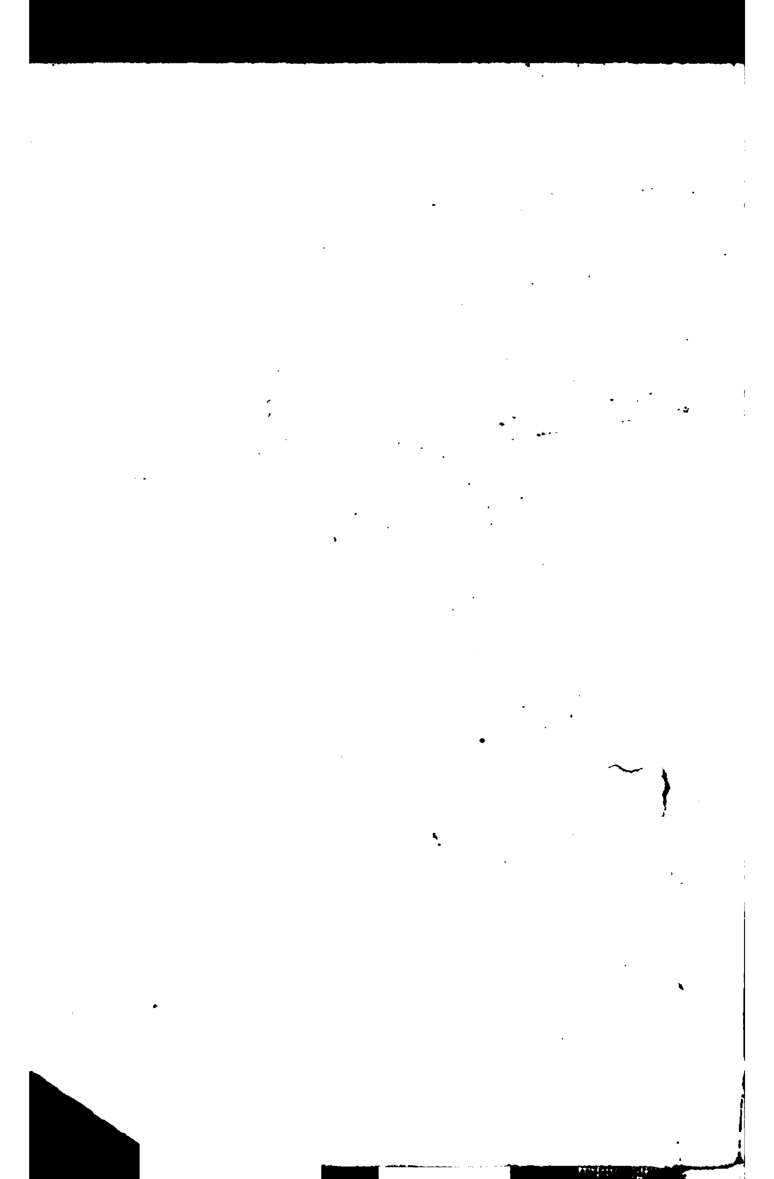
ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ

РОБЕРТЪ БЁРНСЪ

съ приложеніемъ его стихотвореній.

МОСКВА, 1901.

Цѣна пять копѣекъ.

Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Робертъ Бёрнсъ

(1759—1796)

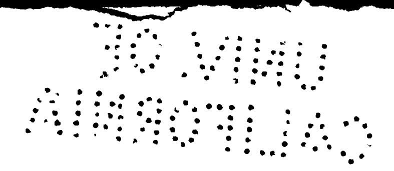
Біографическій очеркъ шотландскаго народнаго поэта, съ приложеніемъ лучшихъ его пѣсенъ.

Давъ поэзіи своей земли новые свѣжіе соки, Робертъ Борнсъ обогатилъ тѣмъ самымъ всемірную литературу. Этотъ человѣкъ былъ великъ своей искренностью, какъ въ поэзіи, такъ и въ жизни.

Іоганнъ Шерръ.

МОСКВА,
Типографія Общ. распростран. полезн. книгъ, аренд. В. Кудиновымъ.
Моховая, прот. манежа, д. кн. Гагарина.
1901.

Цѣна десять копѣекъ.

Дозволено цензурою. Москва, 25 апрѣля 1901 г.

Вступленіе.

Жизнь нѣкоторыхъ поэтовъ, по словамъ Вальтера-Скотта, конечно, можетъ служить важнымъ нравственнымъ поученіемъ, и рѣдкія проповѣди принесутъ такую пользу, какъ, напримѣръ, біографіи Савэджа, Чаттертона, Борнса.

И дѣйствительно, трудно найти біографію болѣе достойную чтенія, чѣмъ исторія жизни крестьянина-поэта, Роберта Борнса, который, не смотря на горькую бѣдность и нищету, сдѣлался учителемъ міра, облегчая, и облагораживая жизнь людей своими геніальными произведеніями.

Борнсъ съ раннихъ лѣтъ былъ обреченъ на тяжелый трудъ и онъ молчаливо переносилъ за своимъ плугомъ изо дня въ день массу тяжелыхъ страданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, среди своихъ трудовъ, среди неприглядной обстановки, онъ лелѣялъ въ сердцѣ идеалы

ихъ литературномъ значеніи та, что Кольцовъ явился въ русской словесности уже послѣ упрощенія нашего языка чрезъ труды Карамзина, Крылова, Грибоѣдова и Пушкина, между тѣмъ, какъ Робертъ Борнсъ, не имѣя подъ рукою матеріала, годнаго для непосредственнаго употребленія, долженъ былъ самъ изготовлять тѣ орудія, съ помощью которыхъ строилъ свой *«дворецъ пѣсенъ»*. А потому все въ его пѣсняхъ оказывалось новостью: и ихъ сладкозвучный, оригинальный размѣръ, и безъисскуственность изложенія, и просто народные, но мѣткіе обороты, и пониманіе природы и безпредѣльная теплота пылкаго сердца. Цѣлая розсыпь новыхъ простыхъ, всѣмъ доступныхъ идей раскинулась передъ любителями поэзіи. Изъ новыхъ британскихъ поэтовъ почти всякій чѣмъ нибудь одолженъ Борнсу, а многіе происходятъ отъ него по прямой линіи. Георгъ Краббъ, напримѣръ, прямой подражатель Борнса, не взирая на разность въ языкѣ и въ развитіи самыхъ поэтовъ.

Робертъ Бöрнсъ.

Среди лицъ поблекшаго восемнадцатаго столѣтія, въ Шотландіи, въ окрестностяхъ Айры, *«въ глиняномъ котеджѣ»*, родился 25 января 1759 года геніальный народный поэтъ Робертъ Борнсъ. Въ то время и Англія не имѣла такого народнаго поэта. Борнсъ—отецъ женился уже въ лѣтахъ. Робертъ Борнсъ былъ старшимъ сыномъ бѣднаго фермера, человѣка умнаго, трудолюбиваго, прямодушнаго и предусмотрительнего. Будь этотъ честный фермеръ немного побогаче, то обстоятельства поэта сложились бы иначе...

Шести лѣтъ Робертъ ходилъ въ сельскую школу, гдѣ, хотя и немногому научился, но за то полюбилъ чтеніе до того, что даже въ поле ходилъ съ книгою въ запасѣ. Въ тринадцать лѣтъ мальчикъ выучился сѣять, а въ пятнадцать сдѣлался главнымъ помощникомъ на фермѣ отца, въ Лохлеѣ, гдѣ работниковъ не нанимали.

Отецъ Роберта, истощенный непосильными трудами, былъ уже совершенно неспособенъ работать. Робертъ всячески старался помогать семьѣ. Въ «*Субботнюмъ вечерѣ поселянина*», безподобно изображена Робертомъ картина домашней жизни его родителей.

Отецъ и мать заботливо старались
Укоренять любовь къ добру въ сердцахъ
Своихъ дѣтей; забавъ они чуждались
И средства жить искали лишь въ трудахъ.

Къ шестнадцати годамъ непосильная работа совершенно разстроила нервы Роберта Борнса. Онъ согнулся и сталъ страдать припадками меланхоліи. Въ своемъ стихотвореніи: «*На чердакѣ*» онъ говоритъ:

День и ночь—сутки прочь!
Такъ я вѣкъ проживу.
Снится бѣдность мнѣ въ ночь.—
Нищета на яву.
Я спины никогда
Не согну ни предъ кѣмъ,
Только мнѣ то, нужда,
Спину гнешь ты зачѣмъ?

Въ письмѣ къ доктору Муру, Робертъ Борнсъ пишетъ: « *Мы жили очень бѣдно... Безо-*

традное одиночество отшельника съ непрестаннымъ труженичествомъ каторжника... Таковъ былъ мой образъ жизни до 16 лѣтъ». Въ это время Робертъ долженъ былъ содержать всю семью, получая доходу съ фермы 70 фунтовъ въ годъ.

Девятнадцатый годъ своей жизни поэтъ проводитъ далеко отъ своего дома, въ школѣ, гдѣ учится межеванію, съемкѣ, геометріи и прочимъ наукамъ. Мѣстность, гдѣ помѣщалась школа, была населена контрабандистами. Ихъ разгульная жизнь, шумныя ссоры поразили, даже увлекли юношу до того, что онъ не разъ пировалъ съ этими господами. Потомъ, позднѣе, еще разъ навѣстилъ таверну «***Пузи—Нанси***», которая была извѣстна чуть не всей Шотландіи, попировалъ еще разъ съ контрабандистами и нищими разнаго сбора, а затѣмъ описалъ ихъ жизнь въ своей «***кантатѣ***», которая и была напечатана въ 1801 году, послѣ его смерти, подъ названіемъ «***Веселые нищіе***» Въ этой поэмѣ, любимой Карлейлемъ, Борнсъ изобразилъ картину того, какъ въ его время упивались

отчаянными оргіями бѣдняки, исключенные изъ жизненнаго пира. Тэнъ считаетъ эту поэму лучшимъ произведеніемъ, сходнымъ съ пѣсней Беранже, но гораздо болѣе живописнымъ, разнообразнымъ и сильнымъ. Поэма «*Веселые нищіе*» одно изъ самыхъ характеристическихъ произведеній Борнса, начинается такимъ «*речитативомъ*»:

Ужъ листья желтые съ вѣтвей
Летятъ на землю и Борей
Деревья голыя качаетъ;
Луга одѣлъ покровъ сѣдой
И ужъ морозецъ молодой
Порядочно кусаетъ.
Вотъ въ эту пору вечеркомъ
Кружокъ веселый братьи нищей
Собрался къ «Пузи—Нанси» въ домъ
Попировать за скудной нищей,
И весело пропить свое
Послѣднее тряпье.

На 23 году своей жизни Борнсъ поступаетъ въ сосѣдній городокъ къ чесальщику льна, чтобы научиться этому ремеслу; но подъ Новый годъ льняная лавка сгораетъ «*и я*» пишетъ Борнсъ къ доктору Муру, «*какъ истый*

поэтъ, остался безъ гроша въ карманѣ». Онъ вернулся къ отцу въ Лохлею.

На 26 году, потерявъ отца, умершаго въ 1784 году, Борнсъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Жильберомъ, взялся завѣдывать небольшою фермою въ Мосджилѣ. Въ домѣ, по вечерамъ, онъ читаетъ книги по сельскому хозяйству а днемъ, отправляясь на работу въ поле, не разстается съ старымъ сборникомъ пѣсенъ, читаетъ, изучаетъ ихъ и поетъ *«стихъ за стихомъ»*, тщательно подмѣчая, какія выраженія были вѣрны, нѣжны, возвышены и какія просто напыщены. Такъ онъ знакомился съ поэтическими легендами и лучшими поэтами своей родины; но это не отразилось на произведеніяхъ его творчества въ видѣ подражаній: все, вырвавшееся изъ подъ пера его, было чуждо всякаго подражанія.

Въ Мосджилѣ Борнсъ встрѣтилъ Мэри Кембель, которой онъ посвятилъ наиболѣе трогательныя изъ своихъ пѣсенъ. Тамъ же онъ познакомился съ Джени Армуръ, дочерью одного каменьщика, милою, веселою, молодою красавицей съ невиннымъ сердцемъ; но Дже-

ни отказалась выйти за него замужъ. Его разлучили съ любимой дѣвушкой только потому, что онъ былъ бѣденъ. А между тѣмъ, какъ бѣдность ни давила его, онъ вовсе не предавался тѣмъ порокамъ, которые приписывались ему недоброжелательными сосѣдями. Онъ былъ всегда и во всемъ аккуратнымъ сельскимъ хозяиномъ, и когда мясо было неизвѣстною пищею въ его домѣ, онъ умѣлъ честно вести свои дѣла, никому не одолжаясь и не дѣлая долговъ. Внезапная и трагическая смерть Мэри поразила его сердце глубокимъ горемъ; а затѣмъ неудача въ хозяйствѣ, неудача жениться на любимой дѣвушкѣ, Джени Армуръ, все это, взятое вмѣстѣ, понуждало Роберта покинуть родину.

По сердитымъ волнамъ
Далеко уплыву,—
Сиротой—бобылемъ
Тамъ свой вѣкъ доживу!

Отдавъ свою долю на фермѣ брату, онъ сталъ дѣлать приготовленія къ отъѣзду на Ямайку, гдѣ ему предлагали мѣсто бухгалте-

ра у нѣкоего Дугласа. Но чтобы добраться туда, нужны были деньги, а ихъ то и не было у нашего поэта. Тутъ друзья и знакомые присовѣтовали ему издать «на счастье« сборникъ своихъ стихотвореній,—а чтобы облегчить ему это изданіе, они подписались на 350 экземпляровъ, уплативъ ему за нихъ чистыми деньгами авансомъ.

Сборникъ пѣсенъ былъ отпечатанъ въ 1786 году въ Кильмаркинѣ, небольшомъ сосѣднемъ городкѣ. Первое изданіе этихъ пѣсенъ, въ количествѣ 600 экз., вышло подъ названіемъ «*Старое и Новое*» (Old and young). Все изданіе разошлось въ два мѣсяца и поэтъ получилъ сумму, казавшуюся ему въ то время цѣлымъ состояніемъ—двѣсти рублей (200 р.) Никто не ожидалъ такого успѣха. Всѣ знатные и простые люди, серьезные и веселые, ученые и невѣжды, одинаково спѣшили купить себѣ этотъ сборникъ, и были одинаково восхищены, взволнованы и очарованы такимъ пріобрѣтеніемъ. Простые пахари и поденщицы охотно платили за поэтическія произведенія своего земляка тѣ деньги, которыя были

припасены ими для покупки себѣ необходимой одежды.

Всѣ его покупатели—земляки, смотрѣвшіе на него до сихъ поръ, какъ на простого пахаря, и, видя его часто въ полѣ за плугомъ, никогда не предполагали, чтобы, разоривъ нечаянно своимъ плугомъ гнѣздо полевыхъ мышей, можно было написать по этому самому обыкновенному случаю одно изъ обворожительнѣйшихъ стихотвореній, когда либо появлявшихся въ печати. Многіе пахари часто уничтожали гнѣзда полевыхъ мышей или топтали ногами маргаритки, тѣмъ дѣло и кончалось,—но онъ первый открылъ поэтическую сторону въ такихъ обыденныхъ дѣйствіяхъ, что и поразило шотландскихъ поселямъ и привело ихъ въ неописанный восторгъ.

Ученые люди читая стихотворенія Борнса въ пріобрѣтенной ими книжкѣ, увидѣли, что ничто живущее не оставило поэта равнодушнымъ; что, толкуя, напримѣръ, о продажѣ любимаго барана или передавая исторію хлѣбнаго зерна, посѣяннаго въ землю, пахарь съумѣлъ возвыситься до чистой, истинной,

народной поэзіи. Когда слухи о такомъ пѣвцѣ достигли до Эдинбурга, то жители столицы вытребовали его изъ деревни къ себѣ въ городъ, стали ублаготворять его, къ его несчастью, горячими напитками...

Когда Борнсъ въ первый разъ явился въ Эдинбургъ (1786), то поэту Вальтеру-Скотту было тогда лишь пятнадцать лѣтъ. Не смотря на этотъ возрастъ, говоритъ Вальтеръ-Скоттъ въ своей автобіографіи, во мнѣ было на столько чувства, чтобъ умѣть цѣнить его творенія. Я искалъ случая увидать Борнса, но у меня почти не оказалось знакомства между писателями, или дворянами западныхъ провинцій, а между этими людьми онъ бывалъ всего чаще. Одинъ изъ клерковъ моего отца, Томасъ Грирсонъ, знавшій поэта, обѣщалъ мнѣ пригласить его къ себѣ на обѣдъ, но не сдержалъ своего слова. Такимъ образомъ я встрѣтился съ Борнсомъ только одинъ разъ у почтеннаго профессора Фергюссона, въ компаніи многихъ джентльменовъ, имѣвшихъ литературную репутацію, между которыми я хорошо помню знаменитаго Дюгальда Стюарта.

Само собой разумѣется, что бывшіе тутъ молокососы моихъ лѣтъ не принимала участія въ бесѣдѣ, а сидѣли молча и слушали. Въ этотъ день я былъ пораженъ дѣйствіемъ, произведеннымъ на Борнса одного гравюрою работы Бенбюри, висѣвшею на стѣнѣ комнаты. На ней изображенъ былъ мертвый солдатъ на кучѣ снѣга; по одну сторону трупа уныло сидѣла собака, по другую—женщина съ младенцемъ на рукахъ. Подпись была такая:

Безъ чувствъ, безъ жизни, на поляхъ Канады
Лежитъ ея охладѣвшій мужъ,
И капаютъ жены несчастной слезы
На грудь, и бѣдное дитя у груди.
Печальное пророчество ребенку,
Вскормленному слезами и бѣдой.

Борнсъ не могъ оторваться отъ картины, или скорѣе, отъ мыслей, ею возбужденныхъ. Онъ заплакалъ. Потомъ онъ спросилъ, кѣмъ писаны строки, здѣсь приведенныя. Случилось такъ, что изъ бывшихъ въ комнатѣ никто, кромѣ меня, не могъ этого вспомнить. Я сказалъ на ухо одному изъ знакомыхъ, что эти стихи взяты изъ поэмы Ленгорна, напечатан-

ной подъ немного обѣщающимъ названіемъ: «*Мирный Судья*». Пріятель передалъ свѣдѣніе Борнсу, который наградилъ меня тутъ же взглядомъ и ласковымъ словомъ, памятнымъ мнѣ и до сего времени. Поэтъ былъ сильно и крѣпко сложенъ; манеры имѣлъ простыя, сельскія, но не грубыя; ихъ простота и безъискусственность бросались въ глаза лицамъ, знавшимъ и цѣнившимъ талантъ этого человѣка; лицо его казалось болѣе широкимъ и массивнымъ, чѣмъ на портретахъ.

Вообще Борнса можно было принять за умнаго мызника старой шотландской школы. Во всемъ его лицѣ ясно отражались умъ, сметливость; но поэтическимъ выраженіемъ отличались только одни глаза: большіе, темные; они горѣли (буквально, горѣли, повторяю), чуть только онъ говорилъ съ чувствомъ и охотою. Подобныхъ глазъ не видалъ я во лбу ни у одного человѣка, и хоть имѣлъ случай въ свою жизнь наглядѣться на всѣхъ знаменитостей—современниковъ.

Въ разговорѣ Борнсъ былъ твердъ и самоувѣренъ въ хорошемъ смыслѣ этого слова.

Въ кругу самыхъ ученыхъ людей того времени и того края онъ выражался безъ замѣшательства и безъ задора. Если его мысли не сходились съ мыслями этихъ людей, онъ не терялся, но твердо и скромно выражалъ свои личныя убѣжденія. Память моя не сохранила въ ясности никакихъ подробностей мною описанной бесѣды.

Съ тѣхъ поръ я встрѣчалъ Борнса только на улицѣ; онъ, конечно, не узнавалъ меня, но я на это и не могъ разсчитывать. Его очень ласкали въ Эдинбургѣ, но матеріальныя выгоды, имъ полученныя за стихотворенія, были очень малы...

Борнсъ недолго жилъ въ столицѣ, и уѣхалъ оттуда, когда замѣтилъ, что на него смотрятъ, какъ на чудо, какъ на счастливое пріобрѣтеніе для свѣтскихъ гостиныхъ разныхъ леди; что онъ возбуждаетъ то же чувство любопытства, съ какимъ толпа любуется на представленія ученаго медвѣдя.

Борнсъ вернулся въ Мосджилъ съ чувствомъ горечи противъ пустого, себялюбиваго большого свѣта, оставленнаго имъ въ Эдинбургѣ.

Нашъ поэтъ Кольцовъ также испытывалъ чувство горечи, когда попадалъ въ общество такихъ людей, которые, по словамъ Бѣлинскаго, смотрятъ на поэта, какъ на птицу въ клѣткѣ, и заговариваютъ съ нимъ для того только, чтобы заставить пѣть: такъ любители соловьевъ трутъ ножикъ о ножикъ, чтобы звуками этого тренія вызвать птицу на пѣніе.

Осенью 1788 г. явилось второе дополненное изданіе его поэмъ и изъ пяти тысячъ рублей, полученныхъ отъ издателя, онъ далъ 2000 р. матери, а на остальныя деньги купилъ ферму въ Эллислэндѣ. Тогда Армуры забыли свое нерасположеніе къ нему; отецъ согласился на бракъ дочери съ Борнсомъ и поэтъ привѣтствовалъ вступленіе Джени въ ея новый домъ блестящимъ стихотвореніемъ: «У меня есть моя собственная жена»

Я женатъ, и не для свѣта—
Для меня жена моя;
За душой одна монета,—
Но ея не занялъ я.

Онъ однако не долго владѣлъ фермой; вскорѣ дѣла его такъ запутались, что онъ съ

радостью принялъ мѣсто сборщика пошлинъ. Въ концѣ 1791 года онъ оставилъ Эллислэндъ и поселился въ Демпри.

Нѣкоторые изъ его біографовъ передаютъ довольно некрасивыя исторіи относительно якобы безнравственнаго поведенія его въ эти послѣдніе годы жизни. «*Такіе біографы*», говоритъ Карлейль, «*не понимаютъ тона, какимъ имъ слѣдуетъ говорить о подобнаго рода человѣкѣ: для человѣчества имѣетъ значеніе только величіе, а не слабости людей, подобныхъ Бернсу. Каковы бы ни были его недостатки, мы не можемъ желать, чтобы онъ былъ инымъ. Есть пороки гораздо менѣе отталкивающіе, чѣмъ самодовольныя добродѣтели*». Горячій и увлекающійся по темпераменту, онъ всегда былъ вѣжливъ и кротокъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ. Слуги и работники на фермѣ обожали его.

У него всегда было готово слово сочувствія для всѣхъ; а тѣмъ, кто былъ бѣднѣе его, онъ помогалъ болѣе щедро, чѣмъ позволяли его скудныя средства. Въ «*Пѣснѣ бѣдня-*

ка» Борисъ является человѣкомъ совсѣмъ инымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Дѣла нѣтъ до меня никому.
До другихъ мнѣ нѣтъ дѣла за то,
Могъ бы плакать, роптать—«Да къ чему?»
И при мнѣ не ропщи ужъ никто.

Это въ пѣснѣ, а на дѣлѣ выходило у него иное, и несчастные никогда не обращались къ нему съ просьбой напрасно. Если онъ былъ не въ состояніи оказать бѣдному помощь самолично отъ себя, тогда онъ дѣлалъ для нихъ то, чего никогда не соглашался сдѣлать для себя.

Шапки я лишній разъ не сниму,
Ну и мнѣ не снимаютъ за то.

Но ради бѣдняка онъ готовъ былъ снять нѣсколько разъ свою шапку предъ богачомъ и при этомъ умѣлъ просить о помощи несчастному такъ, что было невозможно отказать ему, вотъ почему его такъ любили Вальтеръ-Скоттъ Лекгардъ, Стюартъ, Брайджесъ, Карлейль,— эти знатоки человѣческаго сердца.

Въ 1762 году Борнсу предложили издать его пѣсни съ напѣвами и аккомпаниментомъ на скрипкѣ и фортепіано. Къ этому изданію онъ прибавилъ до сотни пѣсенъ; нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ поются шотландцами отъ Эдинбурга до Санъ-Франциско. Гонорара отъ этого изданія онъ получилъ: шаль для жены, картину какого то маляра и пять фунтовъ деньгами. Поэтъ написалъ къ издателю гнѣвное письмо и закаялся сочинять когда нибудь изъ-за денегъ.

Извѣстный переводчикъ Борнса, В. Д. Костомаровъ, вотъ что говоритъ въ одной изъ своихъ статей объ этомъ народномъ поэтѣ: Каковы бы ни были нужды поэта, какъ бы грозно ни тяготѣла надъ нимъ суровая обязанность отца семейства, никогда онъ не могъ укротить духъ своей независимости, никогда онъ не былъ въ состояніи заставить умолкнуть мелодическій голосъ свое деликатности. Блестящій успѣхъ его изданій могъ бы, кажется, заставить его продавать свои новыя произведенія по дорогой цѣнѣ, но онъ отвергъ въ 1785 г. предложеніе одного издателя лон-

донскаго журнала платить ему по 52 гиней въ годъ съ тѣмъ, чтобы поэтъ всякую недѣлю доставлялъ ему по одному своему стихотворенію. И отвергнулъ это предложеніе не изъ лѣности, какъ можно было ожидать отъ поэта, а изъ гордости, потому что въ то же время, въ продолженіи многихъ лѣтъ, онъ посылалъ даромъ свои прекрасныя лирическія произведенія въ «*Музей Джонсона*», и ни за что не хотѣлъ взять никакой платы онъ Томсона за свое дѣятельное сотрудничество въ его «*Собраніи Шотландскихъ Мелодій.*» По его мнѣнію, брать деньги за стихи—значило отдавать на поруганіе свою музу. Истощенный горемъ и заботами онъ шлетъ свой привѣтъ къ «*Смерти*»:

Ты, бичъ великій міроэданья,
Чье смертоносное дыханье
Уноситъ царства и людей—
Привѣтъ тебѣ съ твоею свитой:
Душой, страданіемъ разбитой,
Я не боюсь грозы твоей.
Зову тебя, слѣпая сила!
Все, что живетъ, и все, что жило—
Тебя страшится и клянетъ:

Но я зову тебя, какъ друга,
Приди ко мнѣ: какъ гнетъ недуга
Стряхни постылой жизни гнетъ!

Желанная смерть пришла!...

Робертъ Борнсъ умеръ, какъ жилъ, въ величайшей бѣдности, 37 лѣтъ отъ роду, 29 іюля 1796 г.

Его послѣдняя пѣсня «*Красавица береговъ Девона*» написана имъ на смертномъ одрѣ. Деньги, полученныя за нее, пошли на расходы по его собственному погребенію. Поэта похоронили съ почестями въ Домфридѣ, на берегахъ Дуна.

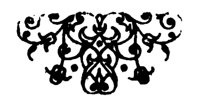
По смерти Борнса, старшій сынъ его, Робертъ, по протекціи одного лорда, получилъ должность въ лондонской штемпельной конторѣ Соммерсетгоуза. Два младшіе сына, Уйльямъ Николль и Джемсъ Glencairn

отправлены были кадетами въ Индію и возвратились оттуда одинъ полковникомъ, другой майоромъ. Старшій сынъ написалъ нѣсколько пѣсней, элегій и балладъ, не имѣющихъ, впрочемъ, особеннаго достоинства.

Сорокъ восемь лѣтъ спустя послѣ смерти Борнса, тысячи народа собрались на берегахъ Дуна, гдѣ въ 1823 году былъ воздвигнутъ памятникъ великому поэту. Ближайшій поводъ къ этому подало прибытіе въ отечество второго сына поэта Уйльяма Борнса изъ Индіи, послѣ 33-хъ лѣтняго отсутствія. Три брата въ первый разъ послѣ смерти отца собрались вмѣстѣ и въ честь ихъ былъ устроенъ праздникъ.

Вблизи хижины, въ которой родился Робертъ Борнсъ, былъ устроенъ огромный и великолѣпный павильонъ, вмѣщавшій въ себѣ тысячи гостей; поля вокругъ него были покрыты несмѣтными толпами народа. Длинное и торжественное шествіе, состоявшее изъ начальства и гарнизона города Эйра, масоновъ (Борнсъ былъ членомъ ложи), крестьянъ и музыкантовъ двинулось изъ города къ мѣсту торжества, гдѣ, подъ распоряженіемъ графа Энлинг-

тона, былъ приготовленъ роскошный обѣдъ. Музыканты играли разныя національныя мелодіи, прославленныя пѣснями Борнса. Въ заключеніе всѣми присутствующими былъ пропѣтъ величественный гимнъ. Говорилъ лордъ Эглингтонъ, предлагая тостъ въ память Борнса, по комъ сильно бьется каждое шотландское сердце. Онъ сдѣлался оракуломъ и въ дворцѣ и въ хижинахъ. Кѣмъ мы должны гордиться, передъ кѣмъ мы должны благоговѣть, какъ не передъ нашимъ безсмертнымъ Борнсомъ. Подробное описаніе этого торжества было напечатано въ Эдинбургскомъ журналѣ, въ 1844 г.

Заключеніе.

Пока буря вдохновенія не касалась души поэта, говоритъ профессоръ Тернеръ, Борнсъ казался добродушнымъ, умнымъ гулякой; но чуть мысль его наполнялась поэтическими образами, особенно воспоминаніями старой любви и дѣтства, Робертъ являлъ собою типъ истиннаго поэта. Онъ искалъ уединенія, бѣжалъ отъ людей и наединѣ съ природой, его вскормившею, на мѣстахъ ему дорогихъ и связанныхъ съ жизнью его сердца, отдавался весь своимъ порывамъ. Онъ бросался на траву, проводилъ ночи безъ сна подъ синимъ небомъ, плача и призывая свою Мэри, видя ея глаза между звѣздами, забывая о снѣ и времени, не думая сдерживать порывовъ своего сердца.

Онъ пѣлъ:

Опять съ земли ночную тѣнь
Ты гонишь, яркая звѣзда...
Семь лѣтъ назадъ я въ этотъ день

Разстался съ Мэри навсегда.
О, гдѣ ты, дорогая тѣнь?
И видишь ли теперь меня,
Какъ я, простертый на землѣ,
Лежу, рыдая и стеня.

Чѣмъ болѣе знакомился Борнсъ съ жизнью столичной, тѣмъ рѣже стали навѣщать его минуты вдохновенья; тѣмъ рѣже стали появляться въ печати произведенія его генія. Его первая поѣздка въ Эдинбургъ была для него событіемъ почти роковымъ. Это случилось такъ внезапно!.. Тутъ его постигъ тотъ необыкновенный успѣхъ, который такъ часто губилъ и губитъ безчисленное множество людей.

«Представьте себѣ», говоритъ Карлейль, его землякъ и лучшій критикъ: «что Наполеонъ сразу, помимо всего прочаго, изъ артиллерійскаго поручика сталъ бы королемъ»: таковъ былъ успѣхъ Борнса въ великосвѣтскомъ обществѣ. Ему минуло всего лишь 27 лѣтъ, когда онъ принужденъ былъ бросить свое пахарство и искать спасенія въ чужихъ краяхъ, чтобы избѣжать позора и тюрьмы. Вы видите передъ собою раззореннаго крестьянина,

потерявшаго даже 7 фунтовъ заработанной платы въ годъ. Но черезъ мѣсяцъ онъ среди блестящаго, шумнаго общества водитъ подъ руку къ обѣденному столу усыпанныхъ брильянтами герцогинь. На него устремлены глаза всѣхъ и, по народной поговоркѣ, надо полагать, его, просто, «сглазили». Блестящія, великосвѣтскія лэди ослѣпили его, а охотники на львовъ и львицъ своей надоѣдливостью доканали его, отравивъ ему жизнь и сдѣлавъ ее несносной. Они собирались толпами на его фермѣ; постоянно отвлекали его, мѣшали ему заниматься дѣломъ; для нихъ не существовало пространства и они вездѣ находили его. Борнсъ чувствуетъ себя несчастнымъ, дѣлаетъ ошибки; міръ становится для него все болѣе и болѣе пустыннымъ; здоровье, характеръ, душевный покой—все изнашивается, и затѣмъ остается въ одиночествѣ. Эти люди приходили только, чтобы посмотрѣть на него. Они не питали къ нему ни симпатіи, ни ненависти. Они приходили, чтобы доставить себѣ маленькое развлеченіе и жизнь героя размѣнивается на ихъ удовольствія». Такая-то «*Злая судьба*»

постигла горемычнаго шотландскаго поэта. И онъ пропѣлъ:

Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ!
Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ!

Мой станъ былъ прямъ, побѣгъ могучъ,
Мой цвѣтъ благоухалъ;
Въ росѣ ночей, въ блистаньѣ дня
Я бодро возросталъ.

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ,
Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ!

М. Михайловъ.

Пахарь.

Вешнее солнце взошло надъ землей,
Пахарь-красавецъ идетъ за сохой.

Тихо идетъ онъ и громко поетъ:
«Кто то весною, какъ пахарь живетъ?»

Рѣзвая пташка летитъ въ небеса;
Рано проснулась на крыльяхъ роса.

Съ пахаремъ пташка поутру поетъ;
Къ ночи подруга въ гнѣздѣ ее ждетъ

Къ полевой мышк, разоренной моимъ плугомъ.

Трусливый сѣренькій звѣрекъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой.
        По меньше трусь!
Вѣдь, я не золъ—и за тобой
        Не погонюсь.

Увы! съ природой наша связь
Давно на вѣкъ разорвалась...
Бѣги, звѣрекъ!.. Хоть я, какъ ты,
        Жилецъ земли
Убогій,—самъ терплю бѣды,
        Умру въ пыли!

Воришка ты; но какъ же быть?
Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,
Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?

Твой бѣдный домикъ разоренъ,
Почти съ землей сравнялся онъ...
И не найдешь ты въ полѣ мховъ
На новый домъ;
А вѣтеръ, грозенъ и суровъ.
Шумитъ кругомъ.

Ты видѣлъ, блекнули поля,
И зимнихъ дней ждала земля;
Ты думалъ: «Будетъ мнѣ тепло,
Привольно тутъ!»
И что же?—Плугъ мой нанесло
На твой пріютъ.

А сколько стоило хлопотъ
Сложить изъ дерна этотъ сводъ!
Пропало все—и трудъ и кровъ;
Нигдѣ вокругъ
Пріюта нѣтъ отъ холодовъ.
Отъ бѣлыхъ вьюгъ

Но не съ тобой однимъ, звѣрекъ,
Такія шутки шутитъ рокъ!
Не вѣренъ здѣсь ни чей расчетъ;

Спокойно ждемъ
Мы счастья, а судьба несетъ
Невзгоду въ домъ.

И доля горестнѣй моя:
Вся въ настоящемъ жизнь твоя;
А мнѣ и въ прошломъ вспоминать
Рядъ темныхъ лѣтъ
И съ содроганьемъ ожидать
Грядущихъ бѣдъ!..

М. Михайловъ.

Джонъ Ячменное-Зерно.

Когда-то сильныхъ три царя
Царили за одно—
И порѣшили: сгинь ты, Джонъ,
Ячменное-Зерно!

Могилу вырыли сохой —
И былъ засыпанъ онъ
Сырой землею, и цари
Рѣшили: «сгинулъ Джонъ!»

Пришла весна тепла, ясна,
Снѣга съ полей сошли
Вдругъ Джонъ Ячменное-Зерно
Выходитъ изъ земли

И сталъ онъ полонъ, бодръ и свѣжъ
Съ приходомъ лѣтнихъ дней;
Вся въ острыхъ иглахъ голова,
И тронуть не посмѣй!

Но осень темная идетъ.
И началъ Джонъ хирѣть.
И головой поникъ—совсѣмъ
Собрался умереть.

Слабѣй, желтѣе съ каждымъ днемъ,
Все ниже гнется онъ...
И поднялись его враги:
«Теперь-то нашъ ты, Джонъ!»

Они пришли къ нему съ косой—
Снесли бѣднягу съ ногъ,
И привязали на возу,
Чтобъ двинуться не могъ.

На землю бросивши потомъ,
Жестоко стали бить;
Взметнули кверху высоко—
Хотѣли закружить.

Тутъ въ яму онъ попалъ съ водой
И угодилъ на дно...
«Попробуй, выплыви-ка, Джонъ
Ячменное-Зерно!»

Нѣтъ мало! взяли изъ воды
И, нá полъ положа,
Возили такъ, что въ немъ едва
Держалася душа.

Въ жестокомъ пламени сожгли
И мозгъ его костей;
А сердце мельникъ раздавилъ
Межъ двухъ своихъ камнѣй.

Кровь сердца Джонова враги,
Пируя, стали пить,
И съ кружки начало въ сердцахъ
Ключемъ веселье бить.

Ахъ, Джонъ Ячменное-Зерно!
Ты чудо-молодецъ!
Погибъ ты самъ, но кровь твоя
Услада для сердецъ.

Какъ разъ заснетъ змѣя-печаль,
Все будетъ трынъ-трава...
Отретъ слезу свою бѣднякъ,
Пойдетъ плясать вдова.

Гласите жъ хоромъ: «Пусть во вѣкъ
Не сохнетъ въ кружкахъ дно,
И вѣкъ поитъ насъ кровью Джонъ
Ячменное-Зерно!..

М. Михайловъ.

Къ срѣзанной плугомъ маргариткѣ.

Цвѣтокъ смиренный полевой!
Не въ добрый часъ ты встрѣченъ мной:
Какъ велъ я плугъ, твой стебелекъ
Былъ на пути.
Краса долины, я не могъ
Тебя спасти.

Не будешь пташки ты живой—
Своей сосѣдки молодой,
Поутру, только дрогнетъ тѣнь,
Въ росѣ качать,
Когда она румяный день
Летитъ встрѣчать.

Былъ вѣтеръ сѣверный жестокъ,
Когда впервые твой ростокъ
Родную почву пробивалъ;
Въ налётѣ грозъ
Ты почку раннюю склонялъ,
Подъ бурей взросъ.

Отъ непогодъ цвѣтамъ садовъ
Защитой стѣны, тѣнь деревъ,
Случайной кочкою хранимъ
Твой стебелекъ;
Въ нагихъ поляхъ ты цвѣлъ незримъ
И одинокъ.

Ты скромно въ зелени мелькалъ
Головкой снѣжною; ты ждалъ
Привѣта солнышка—и вдругъ,
Во цвѣтѣ силъ,
Тебя настигъ мой острый плугъ—
И погубилъ.

Таковъ удѣлъ цвѣтка села
Невинной дѣвушки: свѣтла
Душой довѣрчивой, живетъ
Не чуя бѣдъ;
Но злоба срѣжетъ и сомнетъ
Прекрасный цвѣтъ.

Таковъ удѣлъ пѣвца полей:
Среди обманчивыхъ зыбей
По морю жизни онъ ведетъ
Свой хрупкій челнъ,
Пока подъ бурей не падетъ
Добычей волнъ.

Таковъ удѣлъ въ борьбѣ съ нуждой
Всѣхъ добрыхъ: гордостью людской
И зломъ на смерть осуждены
Они несутъ—
Однихъ небесъ не лишены—
Кровавый трудъ.

Надъ маргариткой плачу я,..
Но это доля и моя!

Плугъ смерти надо мной пройдетъ
И въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня подрѣжетъ—и замретъ
Мой слабый слѣдъ!..

М. Михайловъ.

Субботній вечеръ поселянина.

(Saturday Night)

Ревѣлъ ноябрь; въ долинѣ злилась вьюга;
Холодный день ненастно догоралъ.
И весь въ грязи, отпряженъ волъ отъ плуга,
И черный грачъ на кочкѣ задремалъ.
Поселянинъ сегодня допахалъ
Участокъ свой и, кончивши работу,
Мотыку, ломъ и заступъ свой прибралъ.
И черезъ лѣсъ, по топкому болоту,
Спѣшитъ домой—и радъ, что съ плечъ долой заботу.

Вотъ на холмѣ, подъ тѣнью старой ивы,
Его изба уютная видна—
И пахарь къ ней спѣшитъ нетерпѣливо,
Тамъ у огня, дѣтьми окружена
Ужъ ждетъ его радушная жена,
И все въ избѣ какъ будто улыбалось:
Въ ней жизнь текла такъ мирна и честна,
Что у огня невольно забывалась
Забота жгучая, и бѣдность, и усталость.

Вслѣдъ за отцомъ, полчасомъ лишь позднѣе,
И сыновья приходятъ изъ села;
Одинъ пахалъ: другой, посмышленнѣе,
На ярмаркѣ улаживалъ дѣла.
Потомъ и Дженъ изъ города пришла:
Какъ не притти, когда на ней обнова!
Но если бъ Дженъ семью въ нуждѣ нашла,
Повѣрьте мнѣ, что не сказавши слова,
Трудомъ добытое сейчасъ отдать готова.

Всѣ на лицо; веселый, откровенный
О новостяхъ идетъ у нихъ разсказъ—
И у огня, въ семьѣ благословенной,
Стрѣлой летитъ, какъ мигъ, за часомъ часъ,
Старикъ—отецъ съ дѣтей не сводитъ глазъ
И любъ ему ихъ лепетъ безтолковый,
А мать межъ тѣмъ иглой вооружась,
Спѣшитъ, чтобъ сынъ былъ къ празднику съ обновой
Изъ платья стараго кроитъ камзольчикъ новый.

Отецъ и мать заботливо старались
Укоренять любовь къ добру въ сердцахъ
Своихъ дѣтей; забавъ они чуждались
И средства жить искали лишь въ трудахъ.
«Премудрости начало—Божій страхъ;
Лишь онъ одинъ къ стезѣ добра приводитъ;
Помолимся: да въ жизненныхъ путяхъ
Насъ Божій перстъ повсюду руководитъ!
Кто ищетъ Господа, всегда Его находитъ».

О, Царь небесъ! Колѣни преклоняетъ,
Супругъ, отецъ съ мольбою предъ Тобой:
Торжественно молитва возлетаетъ
На небеса, за радостной мечтой.
Что встрѣтимъ мы другъ-друга въ жизни той,
Гдѣ больше нѣтъ ни слезъ, ни воздыханья,
Гдѣ будемъ пѣть всѣ вмѣстѣ гимнъ святой
И гдѣ, въ лучахъ небеснаго сіянья,
Свершится нѣкогда блаженныхъ душъ сліянье.

Тогда съ дѣтьми старикъ-отецъ прощался,
И на покой ихъ всѣхъ благословлялъ;
Когда жъ одинъ съ женою оставался,
Онъ снова въ прахъ главу свою склонялъ
Предъ Тѣмъ, Кто птицъ согрѣлъ и напиталъ,
И въ блескъ одѣлъ цвѣты весеннихъ лилій,
Чтобъ онъ имъ всѣмъ насущный хлѣбъ послалъ,
Чтобъ всѣ Его боялись и любили
И всѣ Его Завѣтъ въ сердцахъ своихъ хранили.

В. Костомаровъ.

Къ Джону Андерсону.

Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Какъ мы сошлись съ тобой,—
Былъ гладокъ лобъ твой и какъ смоль
Былъ черенъ волосъ твой!

Теперь морщины по лицу
И снѣгъ житейскихъ вьюгъ
Въ твоихъ кудряхъ, но Богъ храни
Тебя, сердечный другъ!

Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Мы вмѣстѣ въ гору шли,
И сколько мы счастливыхъ дней
Другъ съ другомъ провели!

Теперь намъ подъ гору плестись;
Но мы рука съ рукой
Пойдемъ и вмѣстѣ подъ горой
Заснемъ, сердечный мой!

Довольство судьбой.

Свободенъ и веселъ, я малымъ доволенъ;
Міръ Божій мнѣ кажется чудно привольнъ;
Я радуюсь солнцу, я радуюсь дню.
И призракъ заботы я пѣсней гоню.
Взгрустнется ль, порой, подъ ударомъ судьбы—
Я вспомню, что жизнь намъ дана для борьбы;
Веселье равняется звонкой монетѣ,
Свобода же—санъ высочайшій на свѣтѣ.
И этого сана лишить не могли
Великіе мужи ничтожныхъ земли!

Мой путь не безъ терній, но разъ ужъ пройденъ,
Кто вспомнитъ,—какъ труденъ былъ путнику онъ?
Фортуну слѣпую мы часто поносимъ,
Но какъ бы ея не звалися дары:
Пѣснь, наслажденье, работа, пиры,—
На все отвѣчаю я:—милости просимъ!..

О. Чюмина.

На чужбинѣ.

Я сердцемъ не здѣсь, я въ шотландскихъ горахъ,
Я мчусь, забывая опасность и страхъ,
За дикимъ оленемъ, за ланью лѣсной,—
Гдѣ бъ ни былъ я—сердцемъ въ отчизнѣ родной.

Шотландія! смѣлыхъ борцовъ колыбель,
Стремленій моихъ неизмѣнная цѣль,
Съ тобой я разстался, но въ каждомъ краю
Люблю я и помню отчизну мою!

Простите, вершины скалистыя горъ,
Долинъ изумрудный цвѣтущій просторъ!
Простите поляны и рощи мои,
Простите потоковъ шумящихъ струи!..

Я сердцемъ въ родимыхъ шотландскихъ горахъ;
Я мчусь, забывая опасность и страхъ,
За дикимъ оленемъ, за ланью лѣсной,—
Гдѣ бъ ни былъ я—сердцемъ въ отчизнѣ родной!

О. Чюмина.

Видѣніе.

У башни стоялъ я, у старыхъ развалинъ.
Поросшихъ стеблями травы;
Вдали раздавался, тревожно печаленъ,
Рыдающій окрикъ совы.

Царило безмолвье надъ спящею степью,
Лишь гдѣ-то кричала лиса,
И падали звѣзды огнистою цѣпью,
Собой бороздя небеса,

Рѣка омывала старинныя стѣны,
И мимо разрушенныхъ плитъ
Катилась къ утесамъ, гдѣ въ облакѣ пѣны
Потокъ не смолкая бурлитъ.

Въ холодномъ сіяньѣ, какъ легкія тѣни,
Какъ дымъ, улетающій въ высь,—
Во мглѣ вереницы туманныхъ видѣній
Стезею воздушной неслись.

Я голову поднялъ,—и вдругъ изъ ложбины,
Вперяя сверкающій взоръ,
Явился мнѣ призракъ, носившій старинный
Шотландскаго барда уборъ.

Вся мощь вѣковая родного народа
Свѣтилась въ чертахъ у него,
И явственно лозунгъ священный:—Свобода!—
Виднѣлся на шлемѣ его.

Запѣлъ онъ,—такой вдохновенною силой
Была эта пѣсня полна,
Что мнилось: и взятыхъ на вѣки могилой
Для жизни разбудить она.

Восторженно пѣлъ онъ о дняхъ миновавшихъ,
О дняхъ наступившихъ съ тоской,
И звукъ этихъ пѣсенъ, мнѣ въ сердце запавшихъ
Остался на вѣки со мной.

О. Михайлова.

Бутонъ розы.

Склонялся розы полевой
Колючій стебель надъ межой;
Бутонъ, обрызганный росой,
На немъ я видѣлъ утромъ.

Но дважды ночь съ земли ушла—
И роза пышно разцвѣла
И ароматъ свой разлила,
Качаясь раннимъ утромъ.

Гнѣздо въ кустарникѣ виситъ,
И коноплянка въ немъ сидитъ;
Росой обрызгана, дрожитъ
Бѣдняжка на разсвѣтѣ.

Но ждать птенцовъ не долго ей:
На радость лѣса и полей,
Раздастся скоро средь вѣтвей
Ихъ пѣнье на разсвѣтѣ.

Ты также скоро, птенчикъ мой,
Утѣшишь пѣсенкой живой
Того, кто ходитъ за тобой
На утрѣ жизни юной.

Ты также пышно разцвѣтешь
И дни отрады принесешь
Для тѣхъ, чьей помощи ты ждешь
На утрѣ жизни юной.

Н. Новичъ.

Осенній туманъ.

Повѣяло первымъ дыханьемъ зимы;—
Покровомъ туманнымъ одѣлись холмы,
Скрывая бѣгущій въ долинѣ ручей.
Ни красокъ осеннихъ, ни яркихъ лучей!
Тоскливо поникнулъ безлиственный боръ;
Въ поляхъ, потерявшихъ зеленый уборъ,
Печально брожу я по листьямъ сухимъ,
Одной неотвязною думой томимъ,

Какъ время уходитъ, и день ото дня
Преслѣдуетъ жребій суровый меня;
Какъ много я прожилъ, какъ тщетно я жилъ!
Какъ мало осталось и жизни и силъ,—
Какъ все измѣнили истекшіе дни
И узы какія порвали они!
Безпечно мы съ пѣснею въ гору идемъ,
Но грустно плетемся обратнымъ путемъ
Ужель за предѣлами жизни земной
Нѣтъ высшаго смысла и жизни иной?

О. Михайлова.

Въ грозу.

Мнѣ снилась долина, залитая блескомъ,
Весенняго полдня краса,
И рѣчка, бѣгущая съ радостнымъ плескомъ,
И пташекъ лѣсныхъ голоса.
Но вдругъ отдаленнаго грома угрозы,
Какъ стонъ пронеслись въ тишинѣ,
И вѣтви склонивъ, зашумѣли березы,
Грозя потемнѣвшей волнѣ...
Такъ было и въ жизни со мною когда-то:
Весенняго полдня лазурь
Смѣнили собою въ минуту заката—
Порывы суровые бурь.
Развѣяли бурные вихри собою
Цвѣтущее счастье мое,
И все жъ устоялъ я, какъ дубъ, подъ грозою.
И грудью встрѣчаю ее.

О. Михайлова.

Избранники.

Чѣмъ прекраснѣй она и нѣжнѣе
На высокомъ и тонкомъ стеблѣ—
Тѣмъ грозой налетѣвшей сильнѣе
Пригибаетъ лилѣю къ землѣ.

Чѣмъ отраднѣй съ зарею румяной
Пѣсня птички въ лазури звенитъ—
Тѣмъ вѣрнѣй надъ добычей желанной
Черной точкой ястребъ кружитъ.

И чѣмъ дальше отъ насъ совершенство—
Тѣмъ къ себѣ неотступнѣй влечетъ;
Величайшее въ мірѣ блаженство
Величайшее горе несетъ.

О. Михайлова.

Лучшій перлъ.

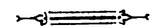
О, будь въ пустынѣ дикой я.
Въ странѣ чужой, въ странѣ чужой,
Она бы раемъ мнѣ была,
Будь ты со мной, будь ты со мной.
И если бъ рокъ судилъ мнѣ быть
Земнымъ царемъ, земнымъ царемъ,
Была бы лучшимъ перломъ ты
Въ вѣнцѣ моемъ, въ вѣнцѣ моемъ!

Н. Новичъ.

Желанное успокоеніе.

Стрѣла твоя, сразивъ жестоко
Любви моей и жизнь и цѣль,
Пронзила сердце мнѣ глубоко
И въ немъ трепещетъ и досель.
И вижу я безъ содраганья,
Какъ надъ поникшей головой
Изъ темной тучи грозовой
Сверкаетъ молніи сіянье.
Зову тебя, слѣпая сила!
Все, что живетъ, и все, что жило—
Тебя страшится и клянетъ;
Но я зову тебя, какъ друга,
Приди ко мнѣ; какъ гнетъ недуга,
Стряхни постылый жизни гнетъ!
Желанное успокоенье—
Когда придетъ оно, когда?
И сердца скорбнаго біенье
Въ гробу затихнетъ навсегда?
Въ чертахъ безжизненныхъ—ни страха
Ни горькихъ слезъ, ни мукъ былыхъ!
Могильный холодъ, царство праха
И сонъ въ объятіяхъ твоихъ!

О. Михайлова.

Поступили въ продажу:

Альфредъ Теннисонъ. Робертъ Бöрнсъ. Георгъ Краббъ. Фридрихъ Шиллеръ.

по 10 коп.

Въ печати:

Гëте. Лонгфелло. Андре-Шенье. Ламартинъ.

Готовятся къ печати:

Клопштокъ. Гейне. Викторъ Гюго. Альфредъ Мюссе. Гольдсмитъ. Уландъ. Томасъ Гудъ. Томасъ Муръ. Соути и другіе.

Складъ изданія:

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ пассажѣ Джамгаровыхъ, въ книжномъ магазинѣ Общества распростр. полезн. книгъ.

Тип. О-ва распростр. полезн. книгъ, аренд. В. КУДИНОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

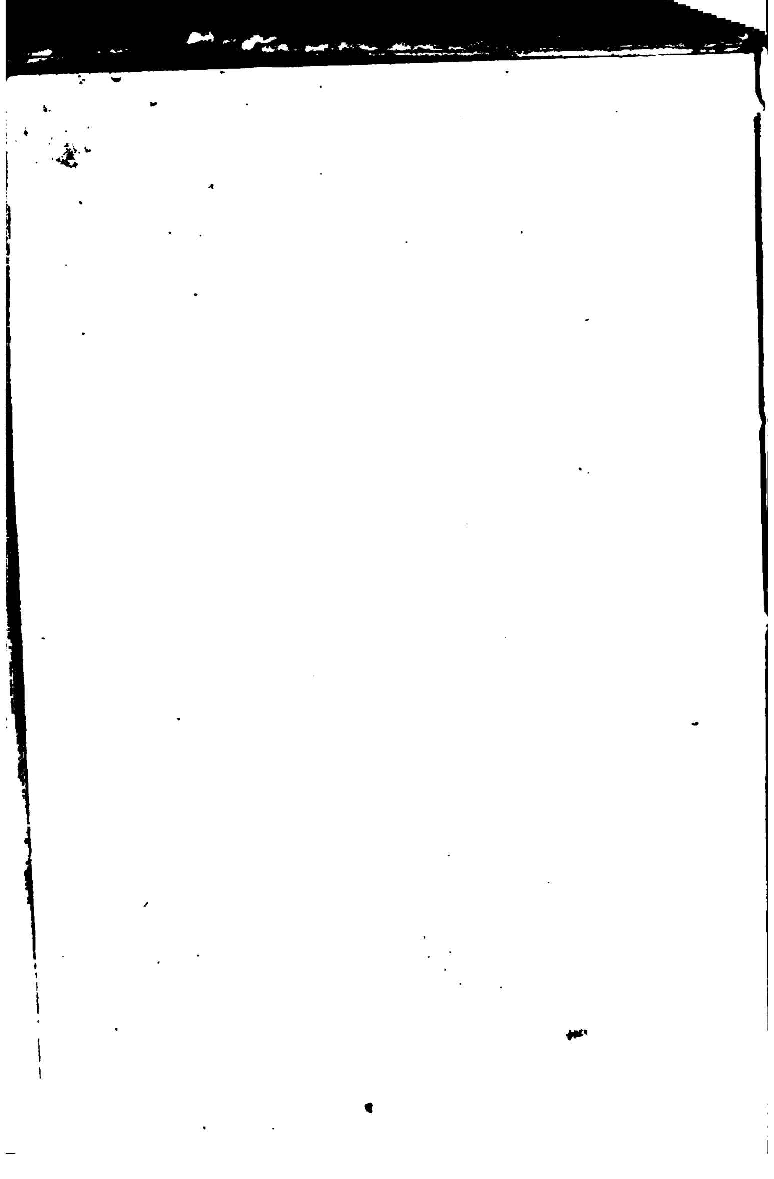
ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ

ФЕРДИНАНДЪ ФРЕЙЛИГРАТЪ

съ приложеніемъ его стихотвореній.

МОСКВА, 1901.

Цѣна десять копѣекъ.

Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Фердинандъ Фрейлигратъ

(1810—1876)

Біографическій очеркъ поэта, съ приложеніемъ его стихотвореній.

Фрейлигратъ для нѣмецкой литературы былъ истинно благотворнымъ явленіемъ. Онъ вошелъ въ жизнь народную и изъ этого матеріала дѣйствительности создалъ величественныя и содержательныя стихотворенія.

Іоганнъ Шерръ.

МОСКВА,
Типографія Общ. распростр. полез. книгъ, аренд. В. Кудиновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.
1901.

Цѣна десять копѣекъ.

Дозволено цензурою. Москва, 18 августа 1901 года.

Вступленіе.

Фердинандъ Фрейлигратъ принадлежитъ безспорно къ крупнымъ поэтическимъ талантамъ. Обладая горячимъ чувствомъ и выразительностью, онъ болѣе всего поражаетъ тою стремительностью, съ какою преслѣдуетъ избранный имъ предметъ, пока не исчерпаетъ его до конца и не освѣтитъ со всѣхъ сторонъ. Эта стремительность, составляющая главную силу поэзіи Фрейлиграта, пораждаетъ, однако, и главнѣйшій изъ его недостатковъ, а именно: излишнюю утрировку образовъ и положеній. При изображеніи предметовъ реальныхъ онъ иногда производитъ тяжелое, такъ сказать, лазаретное впечатлѣніе, какъ, напримѣръ, при описаніяхъ физическихъ страданій. Но и тутъ иногда читатель прощаетъ поэту его ошибки ради прекрасныхъ поэтическихъ очертаній, которыми писатель смягчаетъ свои лазаретныя повѣствованія.

Что касается техники, риѳмы и выработки деталей, то въ этомъ отношеніи произведенія Фрейлиграта безукоризненны. Въ его стихахъ трудно отыскать одно лишнее слово: до того мысли въ нихъ изображены полно и отчетливо. Никто, кромѣ Гёте, не умѣлъ владѣть такъ стихомъ и риѳмой, какъ онъ.

Фердинандъ Фрейлигратъ.

Фердинандъ Фрейлигратъ родился 17 іюня 1810 года въ Детмольдѣ, въ семействѣ школьнаго учителя. Отецъ его, по бѣдности, не могъ дать ему университетскаго образованія. Сынъ его только до 1825 года посѣщалъ гимназію своего родного города, а затѣмъ долженъ былъ оставить гимназическія занятія и взять мѣсто агента по торговымъ дѣламъ у своего дяди, въ Соэстѣ.

Ревность къ ученію, однако, не покидала молодого человѣка. Онъ чтеніемъ пополнялъ свое образованіе; между прочимъ поглотилъ массу описаній путешествій. Своими собственными средствами онъ достигъ основательнаго познанія новѣйшихъ языковъ и все свободное время посвящалъ изученію изящной литературы.

Дальнѣйшее до 1836 года время провелъ въ Амстердамѣ при одномъ богатомъ банкирскомъ домѣ, не покидая, однако, своихъ лю-

бимыхъ занятій. Въ Амстердамѣ онъ имѣлъ случай видѣть представителей самыхъ отдаленныхъ народностей и странъ. Оттого первыя его произведенія (лирико-эпическаго характера) посвящены оригинально задуманнымъ и прекрасно выполненнымъ картинамъ изъ жизни Исландіи, Сахары, Америки и т. д.

Эти первые самостоятельные литературные труды Фрейлиграта заслужили полное одобреніе Шамиссо *),—вслѣдствіе чего онъ рѣшился оставить коммерческую карьеру и всецѣло предаться поэзіи. Такимъ образомъ онъ становится этнографическимъ колористомъ и идетъ по слѣдамъ Рюккерта; но между ними та разница, что Рюккертъ беретъ изъ отдаленныхъ странъ преимущественно мотивы мирные и изящные, а Фрейлигратъ, какъ дитя своего времени и поклонникъ французскаго романтизма, ищетъ поэзіи въ ужасномъ и стремится прежде всего поразить воображеніе и умъ читателя. Вотъ почему онъ почти

*) Французъ по происхожденію, выселившись изъ Франціи и поселившись въ Германіи, сталъ писать свои произведенія на нѣмецкомъ языкѣ.

никогда не избираетъ мѣстомъ дѣйствія Европу, гдѣ жизнь приняла болѣе обыденное теченіе, а, наоборотъ, заставляетъ странствовать свою музу по американскимъ лѣсамъ и африканскимъ пустынямъ, подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ или среди полярныхъ льдовъ, гдѣ и природа, и люди даютъ болѣе матеріала для тѣхъ реальныхъ ужасовъ, которые поэтъ любитъ изображать. Тамъ не только люди, но даже звѣри и неодушевленные предметы дѣлаются героями его произведеній и оживаютъ подъ его перомъ.

Поэтъ востока, онъ, однако, отличается отъ своихъ собратьевъ по изображенію этихъ странъ тѣмъ, что для него Востокъ представляется олицетвореніемъ не застоя и нѣги, а, напротивъ, дикихъ страстей, неистовыхъ преступленій и страшныхъ зрѣлищъ природы. Вотъ, напримѣръ, изображеніе боя тигра съ леопардомъ. Битва долго остается нерѣшенной, пока, наконецъ, не кончаетъ ее огромный удавъ, задушающій обоихъ противниковъ.

Уже въ первой его поэмѣ, написанной имъ на шестнадцатомъ году и озаглавленной:

«*Чай изъ исландскаго моха*» ярко выдается эта особенность поэта. Въ поэмѣ изображенъ больной, которому предписано употребленіе этого чая; но поэтъ, вмѣсто изображенія его страданій, посвящаетъ поэму почти исключительно описанію того острова, чья ужасная и грандіозная природа пораждаетъ такія цѣлительныя средства, вслѣдствіе чего Гекла, съ ея ледяной вершиной и распаленной внутренностью, является почти главнымъ героемъ поэмы.

Послѣ поѣздки въ Вестфалію, на родину, Фрейлигратъ поселился въ чрезвычайно живописномъ прирейнскомъ мѣстечкѣ Ункелѣ. И здѣсь то тридцатилѣтній поэтъ познакомился съ молодою особой, Идою Мелосъ, жившею въ качествѣ гувернантки въ семействѣ одного изъ постоянныхъ ункельскихъ обывателей. Ида Мелосъ не задолго передъ этимъ, по болѣзни, возвратилась изъ Россіи, гдѣ жила въ семействѣ извѣстнаго въ свое время инженера, генерала Дена.

Ида Мелосъ была родомъ изъ Веймара, дочь профессора, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ герцога Карла-Августа.

Она была постоянной подругой игръ внуковъ Гёте. Ей случилось однажды даже помочь Гёте надѣть сюртукъ, причемъ великій поэтъ, шутя, замѣтилъ, что такія хорошенькія руки давно ему не помогали. Такимъ образомъ она жила до четырнадцати лѣтъ въ сферѣ самой высокой культуры.

Свадьба Фрейлиграта съ Идою Мелосъ состоялась 20 мая 1841 г., черезъ годъ послѣ перваго знакомства, послѣ признаній, слезъ, мучительныхъ колебаній и борьбы.

Когда Фрейлигратъ, женившись, пріѣхалъ жить въ Дармштадтъ, то четырнадцатилѣтній Вильгельмъ Бухнеръ *) явился къ нему съ привѣтственнымъ букетомъ отъ имени отца своего, литератора Карла Бухнера. Часъ спустя, Фрейлигратъ отозвался прелестными стихами, а затѣмъ новобрачные поселились въ домѣ Бухнеровъ. И эта внезапная дружба не прекращалась до конца.

---

*) Въ 1881 году вышла въ двухъ томахъ книга Вильгельма Бухнера, подъ названіемъ: «Жизнеописаніе Фердинанда Фрейлиграта въ письмахъ поэта къ Карлу Бухнеру».

Бракъ Фрейлиграта былъ счастливѣйшимъ изъ счастливыхъ. Очень вышколенная въ свѣтскомъ отношеніи жена заставила его постигнуть, что курить въ комнатахъ не полагается, и при нѣсколько рискованныхъ шуткахъ, онъ неизмѣнно встрѣчалъ ея взглядъ. Но вмѣстѣ съ этимъ легкимъ игомъ, онъ нашелъ въ ней вѣрную спутницу всѣхъ превратностей жизни, друга, раздѣлявшаго всѣ его чувства, помощницу въ добываніи насущнаго хлѣба—на столько способную, что въ Лондонѣ, имѣя на рукахъ домъ и семью, она зарабатывала уроками до пятидесяти фунтовъ и помогала мужу въ переводахъ. Иныя стихотворенія даже цѣликомъ переведены ею. Въ Дармштадтѣ она много способствовала тому, что ихъ домъ сдѣлался настоящимъ интеллигентнымъ центромъ.

Жена Фрейлиграта была высокою, стройною женщиною, съ темными просто причесанными волосами и нѣсколько удлинненнымъ лицомъ. Она обладала необыковеннымъ изяществомъ и спокойствіемъ въ обращеніи. Онъ далеко не могъ назваться красавцемъ,

но въ его пользу говорили его молодое мужество, горячая рѣчь, блескъ остроумія и слава.

Въ 1844 году Фрейлигратъ, живя въ С.-Гоарѣ, живописномъ мѣстечкѣ на берегу Рейна, вотъ что писалъ одному изъ своихъ друзей, Варнагену...: «И такъ, рѣшился; вышибаю дно! Жена на все согласна—и она вѣдь имѣетъ тутъ голосъ, какъ то, я полагаю, всегда бываетъ въ каждомъ счастливомъ бракѣ, основанномъ не на любви только, но и на уваженіи. Она вообще отличная женщина: умъ самый свѣтлый, и чистое, чуткое сознаніе правды. Оттого она такъ вѣрно и понимаетъ теперешніе порядки и личное мое положеніе. Благослови ее Господь и сохрани ее мнѣ! Не пропаду, пока она со мной, пока я держусь за нее. Провидѣніе сгладитъ мои пути, хотя бы ради одной ея. А я въ сущности что»?..

Живя въ Санъ-Гоарѣ и получая небольшую пенсію отъ правительства, Фрейлигратъ всецѣло предался литературѣ.

Въ это время по всей Германіи, въ особенности среди либеральной молодежи, про-

гремѣло имя молодого поэта Гервега, который въ своихъ «*Стихотвореніяхъ одного изъ живыхъ*» («Gedichte eines Lebendigen») призывалъ отечество на бой противъ тираніи.

Георгъ Гервегъ, студентъ Тюбингенскаго университета, работалъ въ журналахъ, попалъ по жребію въ солдаты и, оскорбленный на смотру офицеромъ, дезертировалъ въ Швейцарію. Послѣ изданія своего сборника стихотвореній (1842 г.), онъ объѣхалъ Германію и вездѣ былъ принятъ съ почетомъ; даже прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV отнесся къ нему съ большимъ вниманіемъ. Но Гервегъ скоро поссорился съ прусскимъ правительствомъ, покинулъ Германію, принималъ дѣятельное участіе въ революціи 1840 года и, послѣ неудачи всѣхъ своихъ политическихъ предпріятій, долго скитался по разнымъ странамъ. Онъ умеръ въ Баденъ-Баденѣ въ 1877 году.

До появленіе сборника стихотвореній Гервега (1842 г.) Фрейлигратъ держался вдали отъ политики и выразилъ убѣжденіе, что поэтъ долженъ стоять выше партій; но такъ

какъ консерваторы цитировали эти его слова въ свою пользу, то Гервегъ сталъ упрекать его въ равнодушіи къ современности; либеральная же партія стала, что называется, «травить» изо всѣхъ силъ недавняго любимца публики... Тогда Фрейлигратъ отказался отъ пенсіи и послѣ изданія «*Исповѣданія вѣры*» сталъ въ ряды радикаловъ. Послѣ этого Фрейлигратъ дѣлается, конечно, мученикомъ убѣжденій. Преслѣдованія, которымъ онъ подвергся на ряду съ большинствомъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей, принудили его покинуть Германію и начать странническую жизнь въ Бельгіи и Швейцаріи, а затѣмъ переѣхать въ Лондонъ, съ цѣлью добыть какое-нибудь мѣсто для прокормленія себя и семьи. Онъ снова обращается къ коммерціи и дѣлается прикащикомъ. Извѣстный американскій поэтъ, Лонгфелло, съ которымъ онъ тамъ познакомился, приглашалъ Фрейлиграта переселиться даже въ Америку,—на что послѣдній совсѣмъ было согласился; но внезапно совершившіяся событія 1848 года побудили его немедленно вернуться въ Герма-

нію. Въ Дюссельдорфѣ Фрейлигратъ примкнулъ къ демократической партіи и скоро сталъ ея вожакомъ, вслѣдствіе громаднаго успѣха, которое имѣло написанное имъ тогда стихотвореніе, озаглавленное—«*Къ мертвымъ и живымъ*». Преданный суду, Фрейлигратъ, однако, былъ торжественно оправданъ присяжными, чѣмъ немало увеличилъ свою популярность.

Послѣ 1849 года политическія преслѣдованія принудили его скоро снова переселиться въ Лондонъ, гдѣ онъ и былъ вынужденъ снова жить весьма скромно на средства, добываемыя литературнымъ трудомъ.

Въ 1856 году швейцарскій банкъ поручаетъ ему свою лондонскую контору съ порядочнымъ жалованьемъ. Честно исполняя свои обязанности, Фрейлигратъ пишетъ очень мало: вдохновеніе его возбуждается только при какомъ-нибудь особомъ случаѣ.

Въ 1867 году банкъ закрылся, и нѣмецкій поэтъ снова очутился на мостовой. Тогда явилась въ Германіи мысль о національномъ подаркѣ ему. Составилась подписка, которая

дала около шестидесяти тысячъ таллеровъ. Фрейлигратъ принялъ почетный подарокъ и переѣхалъ въ Штутгартъ.

Въ 1870 году онъ восторженно привѣтствуетъ *«единство»* Германіи! Онъ умеръ въ 1876 году въ Канштадтѣ, близь Штутгарта.

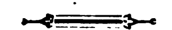
Заключеніе.

Значеніе Фрейлиграта въ литературѣ сравниваютъ обыкновенно съ оазисомъ и метеоромъ. Съ оазисомъ потому, что ярко-талантливыя произведенія его появлялись въ то время, когда лирическая поэзія почти утратила значеніе подъ перомъ неумѣлыхъ подражателей Гёте и Гейне; а метеоромъ— вслѣдствіе того, что возбужденный его сочиненіями энтузіазмъ почти такъ же скоро погасъ, какъ и вспыхнулъ.

Поэтъ Фрейлигратъ пользовался въ свое время заслуженной извѣстностью. Къ сожалѣнію, извѣстность эта миновала по винѣ самого поэта, который, при громадномъ талантѣ, позабылъ, что въ поэзіи прочно только то, что просто и сходно съ дѣйствительностью. Тѣмъ не менѣе Фрейлигратъ завоевалъ себѣ въ нѣмецкой литературѣ особое мѣсто, и его не слѣдуетъ смѣшивать съ назойливо жужжащимъ роемъ гейневскихъ подражателей.

Помимо поэмъ, Фрейлигратъ написалъ много балладъ и другихъ мелкихъ стихотвореній. Яркость образовъ и блескъ выраженій обличаютъ почти вездѣ безъ подписи руку поэта, ихъ написавшаго.

Фрейлигратъ не создалъ школы, точно такъ же, какъ и самъ не былъ ничьимъ ученикомъ. Онъ вполнѣ самобытенъ и не поддается подражанію. Единомышленниковъ и поклонниковъ у него было много, но подражателей онъ не имѣлъ: для того, чтобы такъ писать и чувствовать, нужно такимъ родиться.

СТИХОТВОРЕНІЯ ФЕРДИНАНДА ФРЕЙЛИГРАТА

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Памяти труженика.

Честь тому, кто надъ сохой
Спину гнетъ и въ жаръ, и въ холодъ,
Кто могучею рукой
Подымаетъ тяжкій молотъ.

Кто въ подземной глубинѣ
Цѣлый вѣкъ свой долженъ рыться,
Съ тачкой, съ ношей на спинѣ,
Чтобъ съ семьей своей кормиться.

Слава, труженики, вамъ!
Похвала тебѣ, работа!
Честь трудящимся рукамъ!
Честь и слава каплѣ пота,

Что на нивѣ, средь села,
За серпомъ или за плугомъ,
Пала съ мокраго чела,
Незнакомаго съ досугомъ!

Но вспомянемъ и того,
Кто въ нуждѣ, какъ рабъ въ неволѣ,
Плугомъ мозга своего
Бороздитъ иное поле.

Въ складѣ ль книжномъ онъ сидитъ
И архивной пылью дышетъ,
Чтеньемъ ли глаза слѣпитъ,
Иль стихи и драмы пишетъ;

Иль за плату вздоръ чужой,
Поправляя, умъ свой мучитъ,
Иль грамматикѣ сухой
Онъ дѣтей съ терпѣньемъ учитъ,—

И ему «трудись», «потѣй»
Неотвязный шепчетъ голосъ,
Отъ заботъ и отъ скорбей
И его сѣдѣетъ волосъ;

Отъ безмѣрнаго труда
Онъ, вѣдь, тоже тратитъ силу,
И его сведетъ нужда
Преждевременно въ могилу.

Узникъ будничныхъ заботъ,
Не паритъ онъ мыслью въ небѣ:
Вѣчный голодъ, вѣчный гнетъ,
Вѣчный крикъ дѣтей о хлѣбѣ!

Много я такихъ знавалъ!
Былъ одинъ: онъ къ небу рвался,
Но онъ хлѣбъ свой добывалъ—
И во прахѣ пресмыкался.

Былъ онъ бодръ, его мечты
Были пламенны и живы,—
Но подъ гнетомъ нищеты,
Онъ сдержалъ свои порывы.

Листъ писалъ онъ за листомъ
Въ душной комнатѣ, бывало,—
Между тѣмъ, какъ все кругомъ
Полной жизнью трепетало.

Все цвѣло; пѣвецъ полей,
Къ небу жаворонокъ взвивался,
Громко щелкалъ соловей,
Міръ сіялъ и улыбался.

Но на міръ онъ не смотрѣлъ,
Точно былъ безъ глазъ и слуха,
Онъ въ стѣнахъ своихъ корпѣлъ,
Блѣдный рабъ, поденщикъ духа!

А когда, бывало, въ немъ
Сердце чуткое застонетъ —
Бодрый духомъ и умомъ.
Онъ тоску оттуда гонитъ;

Говоритъ онъ самъ себѣ,
Заглушивъ свое страданье:
Есть поэзія въ борьбѣ
За свое существованье!

Наконецъ, больной, онъ слегъ:
Силъ ужъ не было трудиться,
Хоть порой еще онъ могъ
Свѣтлой мыслью возноситься.

По ночамъ его манилъ
Рой таинственныхъ видѣній;
И на небо воспарилъ
Злобой дня разбитый геній!

Безъ креста, безъ камня онъ
Ужъ давно лежитъ въ могилѣ...
Миръ ему! спокойный сонъ
Въ злой борьбѣ угасшей силѣ!

Дѣтямъ бѣднаго борца
Тяжко будетъ малолѣтство;
Имя честное отца —
Вотъ одно у нихъ наслѣдство.

Да, вспомянемъ и того,
Кто въ нуждѣ, какъ рабъ въ неволѣ,
Плугомъ мозга своего
Пашетъ умственное поле.

Д. Л. Михаловскій.

Смерть переселенца.

Съ парусовъ сочится влага,
Все кругомъ покрылъ туманъ...
«Эй! поднять огни на мачту!
Сѣръ и мраченъ океанъ.
На молитву; скиньте шапки:
Наступилъ тяжелый часъ;
Старъ и младъ—за мной, въ каюту!
Тамъ покойникъ есть у насъ»!

И нѣмецкіе крестьяне,
Всѣ съ поникшей головой,
Внизъ спускаются по трапу
Другъ за другомъ, чередой.
Всѣ они пустились въ море —
Новой родины искать,
И вождю ихъ довелося
Въ этомъ морѣ умирать.

Онъ повелъ ихъ въ путь далекій
Изъ родныхъ нѣмецкихъ странъ
Внизъ по Неккару до Рейна,
А изъ Рейна въ океанъ.
Съ болью въ сердцѣ оторвавшись
Отъ земли своей родной,
Говорилъ онъ: «Въ путь, ребята!
Заключимъ союзъ святой!

Поплывемъ на дальній Западъ,
Гдѣ Востокъ для насъ горитъ.
Тамъ себѣ избушки срубимъ,
Гдѣ свобода лишь царитъ;
Будемъ сѣять мы въ пустынѣ
И прольемъ обильный потъ
Тамъ, гдѣ дѣвственная почва
Плодъ сторицей воздаетъ.

Свой очагъ въ лѣсахъ дремучихъ
Намъ придется водрузить;

Дайте мнѣ въ саваннахъ дикихъ
Патріархомъ вашимъ быть.
Мы, какъ пастыри Завѣта,
На привольѣ заживемъ,
Вѣчный свѣтъ въ пути намъ будетъ
Нашимъ огненнымъ столбомъ.

«Я лучамъ его ввѣряюсь,
Насъ онъ прямо поведетъ;
Я въ грядущемъ созерцаю
Возникающій народъ.
О, прощай, земля родная!
На чужбинѣ я умру,
Но съ надеждой, ради внуковъ
Нынѣ посохъ свой беру».

Но, подобно Моисею
Посреди пустынныхъ странъ,
Онъ лишь издали увидѣлъ
Свой желанный ханаанъ.
Умеръ онъ на дальнемъ морѣ,
И заснули вѣчнымъ сномъ,
Вмѣстѣ съ нимъ его стремленья
И огонь, горѣвшій въ немъ.

Безъ вождя переселенцы —
Точно тѣло безъ души;
Дѣти прячутся въ испугѣ,
Плачутъ матери въ тиши;

А мужья глядятъ съ тревогой
На чужіе берега,
На которые не ступитъ
Никогда его нога.

Съ парусовъ сочится влага
Все кругомъ покрылъ туманъ...
Прахъ усопшаго съ молитвой
Опустили въ океанъ...
Океанъ раздался съ плескомъ
И въ холодной безднѣ скрылъ
Прахъ того, чей трудъ полвѣка
Плугомъ землю бороздилъ.

Д. Л. Михаловскій.

Браконьеры.

Трепещутъ тихо листья,
Чуть брежжетъ сѣрый день.
Изъ-за лѣсной опушки
Къ хлѣбамъ пришелъ олень.

Ужъ онъ ихъ мнетъ и топчетъ,
Склонивъ свои рога,
Но звѣря поджидаютъ
Незримо два врага.

Отецъ и сынъ, крестьяне.
«Пріятель нашъ пришелъ»!
Сказалъ старикъ, сжимая
Въ рукахъ ружейный стволъ,

«Четырнадцать отростковъ!
Ну, Фрицъ, голубчикъ мой,
Стрѣляй, не промахнися,
Олень-то матерой.

И парень приложился:
Трахъ!—выстрѣлъ прозвучалъ,
На ниву хищникъ мертвый,
Чуть вздрогнувши, упалъ,

И въ радостяхъ къ оленю
Бѣжитъ старикъ-отецъ:
«А, хищникъ, воръ, разбойникъ!
Попался, наконецъ!

Ну, Фрицъ, ты цѣлишь лихо:
Какъ снопъ, его свалилъ!
Смотри, какъ разъ въ лопатку
Ему ты угодилъ.

Теперь ужъ онъ не будетъ
Травить моихъ полей.
Чего же ты зѣваешь?
Веревку поскорѣй!

Вотъ такъ нога съ ногою
Вяжи! жиренъ пострѣлъ!
Пощупай-ка: разбойникъ
Совсѣмъ охолодѣлъ.

Вотъ это называю
Я счастьемъ... Боже мой!
Лѣсникъ, народъ, собаки...
Попались мы съ тобой!

«Давай Богъ только ноги!»
И бросились стремглавъ,
Оставивши добычу
И ружья побросавъ.

Лѣсничій же за ними:
«Стой! стой! кричитъ имъ вслѣдъ—
Кой чортъ мнѣ въ вашихъ ружьяхъ,
Когда самихъ васъ нѣтъ.

Напрасно! не удержишь...
Такъ я же васъ, друзья!»
И въ нихъ спокойно цѣлитъ
Изъ своего ружья.

«Ура! вотъ это счастье!»
Онъ правъ; удачный день:
Старикъ упалъ съ размаху
Въ свой собственный ячмень.

Лежитъ онъ тамъ и стонетъ
Еще по временамъ,
Какъ-будто сердце хочетъ
Разбиться пополамъ.

И кровь изъ-подъ камзола
Течетъ по бороздѣ,
Застряла теплой лужей
У жаворонка въ гнѣздѣ.

И сына обагрила,
Что по полю бѣжалъ,
Теперь же съ дикимъ воплемъ,
Къ убитому припалъ.

«Къ чему ты обнимаешь
Недвижный этотъ трупъ?
Прими свои ты губы
Отъ этихъ синихъ губъ.

— «Ну, парень, полно хныкать:
Таковъ его удѣлъ;
Пощупай-ка, старикъ твой
Совсѣмъ охолодѣлъ».

Примчалась, запыхавшись,
Вся свора; вслѣдъ за ней
Пришла и вся ватага
Дозорныхъ, егерей.

Олень, крестьянинъ мертвый.
Не все ль равно для нихъ?
Они въ одну телѣгу
Свалили обоихъ.

Лѣсничій куритъ трубку,
Доволенъ, веселъ онъ:
Такъ что жъ? онъ правъ: охоту
Преслѣдуетъ законъ.

Онъ лишь не уклонился
Отъ долга своего;
И парня дикій скрежетъ
Не трогаетъ его.

Ему за ловкій подвигъ
Еще медаль дадутъ!
А негодяя—Фрица
Въ тюрьму теперь запрутъ.

Фрицъ смотритъ сквозь рѣшетку
Тюрьмы, а у воротъ
Стоитъ пѣвецъ прохожій
И пѣсенку поетъ.

«Цвѣти, уборъ зеленый
Полей, дубравъ, лѣсовъ!
Ура тебѣ, охота,
Потѣха молодцовъ»!

Д. Л. Михаловскій.

Миражъ.

«Я тревожно озираю флаги нашихъ кораблей,
Ты же смотришь, улыбаясь, на перо чалмы моей.»
— «Въ этотъ мигъ, какъ наша яхта насъ качаетъ на
волнахъ,
Мнѣ хотѣлось бы послушать о родныхъ твоихъ степяхъ.

— «Повинуюсь. Опустилась на твою моя рука.
Слушай, милая: вотъ море раскаленнаго песка;
Тамъ разсыпавшись, бѣлѣютъ земляковъ моихъ шатры:
То печальная Сахара въ часъ полуденной жары.

Свѣжій слѣдъ по ней оставилъ изъ Томбукту караванъ:
Вотъ вдали на горизонтѣ что-то блещетъ сквозь туманъ;
Изъ клубовъ летучихъ пыли промелькнетъ едва-едва
То пурпурный плащъ эмира, то верблюжья голова.

Онъ идетъ неутомимо ускоренною стопой;
Вотъ исчезъ онъ, поглощенный дали сѣрой пеленой;
Но догнать его не трудно по оставленнымъ слѣдамъ,
Что виднѣются порою на пескѣ и тутъ, и тамъ.

Вотъ огромный трупъ верблюда распростертъ среди
песковъ
И надъ нимъ кружится стая голошеихъ коршуновъ:
Имъ добыча та пріятнѣй, чѣмъ богатый тотъ кинжалъ,
Что на бѣгствѣ торопливомъ робкій всадникъ потерялъ.

Вотъ на иглахъ тамариска пологъ брошенный виситъ,
Дальше — пылью занесенный мѣхъ разорванный лежитъ....
Кто жъ его, какъ сумасшедшій, топчетъ бѣшено въ ногахъ?
Это жаждою томимый молодой эмиръ-феллахъ.

Онъ отсталъ отъ каравана; конь его дорогой палъ,
Какъ, тревогою гонимый, онъ вослѣдъ за нимъ скакалъ.
Онъ влачится черезъ силу: съ нимъ любимая жена,
Истомленная, повисла на рукѣ его она.

Тотъ песокъ, который ночью только левъ мететъ хвостомъ,
Иль порывъ внезапный вѣтра мчитъ удушливымъ столбомъ,
Покрываетъ ихъ одежду темносѣрой пеленой,
Рѣжетъ до крови кремнями ноги путницы младой...

Но эмиръ вдругъ пошатнулся, измѣнила сила ногъ;
Мутный взоръ, остановившись, смотритъ дико на востокъ;
Онъ схватилъ свою подругу, кровь ударила къ вискамъ,
И съ послѣднимъ поцѣлуемъ онъ упалъ къ ея ногамъ.

Но, дивясь, она спросила: «Что съ тобою, милый другъ?
Посмотри, какимъ сіяньемъ небо вспыхнуло вокругъ!
Степь совсѣмъ преобразилась, измѣнился видъ песковъ
Даль сверкаетъ, точно море у алжирскихъ береговъ!

Вотъ, я вижу: тамъ струится многоводная рѣка!
Мнѣ въ лицо несется свѣжесть отъ нея издалека...
Это Нилъ? иль нѣтъ, онъ дальше. Такъ, быть-можетъ,
Сенегалъ?
Или море голубое плещетъ съ пѣною у скалъ?

Все равно, вода ужъ близко! Господинъ мой, поспѣшимъ!
Тамъ мы свѣжею струею муки жажды утолимъ!
Встань, мой милый! тамъ купанье наши силы оживитъ,
А тотъ замокъ величавый насъ до утра пріютитъ!

Вижу: вьются съ темныхъ башенъ флаги красные на немъ;
Вонъ мечеть и минареты стройно высятся кругомъ.
Вижу мачты: это гавань и на рейдѣ корабли....
Вонъ толпой къ воротамъ замка пилигримы подошли....

Милый, встань! засохло горло.... Ужъ вечерній палъ туманъ!»
Черезъ силу онъ поднялся и промолвилъ: «то обманъ!
Злого духа навожденье! Смерть идетъ! Прости, жена!»
Свѣтъ исчезъ. На тѣло мужа пала мертвая она.»

Такъ разсказывалъ Отелло Дездемонѣ, въ часъ ночной,
По заливу съ ней гуляя. Дѣва слушала съ тоской;
Вышла на берегъ и тихо путь направила въ свой домъ;
Тамъ оставилъ полководецъ дочь Брабанціо съ отцомъ.

Ѳ. Миллеръ.

Мщеніе цвѣтовъ.

На подушкахъ на пуховыхъ,
Дѣва сладко почиваетъ;
Тѣнь рѣсницъ ея шелковыхъ
Щечки нѣжно осѣняетъ;

А цвѣты, питомцы мая,
Въ кружкѣ глиняной съ водою,
На столѣ, благоухая,
Рдѣютъ свѣжей красотою.

И отъ нихъ разлитъ тяжелый
Ароматъ по всей свѣтлицѣ,
И лучъ мѣсяца веселый
Смотритъ въ личико дѣвицѣ.

Всюду мертвое молчанье....
Чу! поютъ пѣвцы разсвѣта!
Вдругъ послышалось шептанье
Межъ листочками букета.

И воздушныя созданья
Изъ цвѣточковъ вылетаютъ:
Всѣ одѣты нѣжной тканью,
И вѣнцы на нихъ сіяютъ.

Вотъ изъ лона алой *розы*
Вышла фея молодая,
И сверкаетъ, будто слезы,
Жемчугъ, кудри обвивая.

Вотъ изъ листьевъ *анемона*
Витязь бодрый выступаетъ,
И блестящая корона
Шлемъ косматый украшаетъ;

Вѣютъ перья голубыя
Надъ опущеннымъ забраломъ.
Изъ *лилеи* вышла дѣва
Подъ прозрачнымъ покрываломъ.

И возсталъ изъ *царскихъ кудрей*
Сынъ Сахары раскаленной,
И сверкаетъ полумѣсяцъ
На чалмѣ его зеленой.

Изъ *короны царской* гордо
Вышелъ царь великолѣпный,
И за нимъ изъ всѣхъ *фіалокъ*
Рядъ придворныхъ раболѣпный.

И всѣ духи вкругъ постели
Собрались и вереницей
Закружились и запѣли
Надъ уснувшею дѣвицей:

«Дѣва, дѣва! ты жестоко
Насъ съ землею разлучила!
Здѣсь мы вянемъ одиноко, —
Эта кружка намъ могила.

Какъ привольно, какъ прекрасно
На землѣ мы разцвѣтали,
Гдѣ лучи денницы ясной
Насъ привѣтно цѣловали;

Гдѣ вечернею порою
Вѣтерки насъ колебали,
Гдѣ, какъ эльфы, межъ собою
Надъ цвѣтами мы играли!

Насъ поитъ вода гнилая,
Не роса, не дождикъ лѣта...
Мы умремъ,—но умирая,
Отомстимъ тебѣ за это!»

Пѣнье смолкло; рой воздушный
Вкругъ постели собирался,
И въ свѣтлицѣ знойно-душной
Тихій шорохъ вновь раздался:

Слышно прежнее шептанье,
Духи вьются вереницей,
И отъ зноя ихъ дыханья
Рдѣетъ личико дѣвицы.

Вотъ и утро проглянуло
Сквозь узорныя гардины;
Но красотка ужъ уснула
Непробуднымъ сномъ кончины.

Съ легкой краской на ланитахъ,
Безъ движенья, безъ дыханья,
Ароматами убито,
Спитъ прелестное созданье.

Ѳ. Миллеръ.

Воздушный корабль.

Поздно ночью мы лежали на землѣ, среди равнины;
У коней своихъ усталыхъ чутко спали бедуины;
Вдалекѣ, при лунномъ свѣтѣ, горы нильскія бѣлѣли,
А кругомъ въ пескѣ зыбучемъ дромадеровъ кости тлѣли.

Я не спалъ; подъ головою у меня сѣдло лежало,
А широкій плащъ дорожный былъ мнѣ вмѣсто одѣяла;
Близь меня лежала сумка сладкихъ финиковъ сушеныхъ,
Сабля острая и пара пистолетовъ заряженыхъ.

Все безмолвно; лишь порою затрещитъ въ кострѣ забытомъ
Огонекъ, иль конь, проснувшись, стукнетъ объ землю копытомъ;
Лишь порою въ отдаленьѣ крикъ орлиный раздавался.
И наѣздникъ полусонный за ружье свое хватался.

Вдругъ земля поколебалась, и померкъ за облаками
Лунный свѣтъ, степные звѣри пронеслися передъ нами;
Кони робко отшатнулись, нашъ вожатый приподнялся...
«Ну! сказалъ онъ, знать воздушный караванъ опять
помчался!»

Это онъ! и вотъ несутся вслѣдъ тѣней своихъ вожатыхъ,
Дромадеры съ сѣдоками на хребтахъ своихъ горбатыхъ,
И воздушною толпою идутъ дѣвы, какъ Ревекка,
На плечѣ неся кувшины; цѣль пути ихъ — городъ
Мекка».

Ну! еще! иль нѣтъ конца имъ? вотъ безчисленные
гости!
Вновь въ верблюдовъ превратились ихъ разсѣянныя
кости;
Черный прахъ, что̀ по равнинѣ, въ облакахъ густыхъ,
летучихъ,
Бурно вьется, превратился въ черныхъ воиновъ могу-
чихъ»....

«Въ это время ежегодно возстаютъ для каравана
Всѣ, которые погибли тутъ въ пескахъ отъ урагана.—
Чей, быть-можетъ, прахъ истлѣвшій нынче съ пылью
мы глотали,
Чьи разбросанныя кости мы ногами попирали».

«И грядою безконечной, какъ на пиръ, во всемъ
раздольѣ,
Возстаютъ они и мчатся въ градъ святой на богомолье.

И летятъ отъ Сенегала до береговъ Бабъ-эльмандеба...
Страшенъ поѣздъ ихъ тревожный при огняхъ ночного неба!»

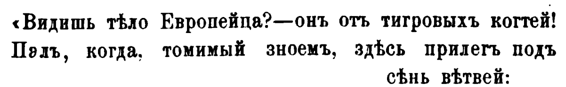
«Стойте, други! кони рвутся? такъ накиньте имъ арканы!
Ободритесь! не бѣгите, какъ пугливые бараны:
Пусть воздушною одеждой вашихъ лицъ они коснутся,
Имя Аллы призовите!—духи мимо пронесутся».

«Подождите,—лишь денницы загорится лучъ отрадный,
И на васъ отъ горъ повѣетъ вѣтеръ утренній прохладный,—
И опять во прахъ летучій обратятся привидѣнья...
Вотъ заржалъ мой конь ретивый, чуя утра приближенье!»

Ѳ. Миллеръ.

Подъ пальмами.

Межъ кустовъ мелькаютъ космы: бой кипитъ въ глуши лѣсной,
И далеко слышенъ топотъ, трескъ вѣтвей и страшный вой.
«Взлѣзь со мной на эту пальму; но смотри, чтобъ звукъ колчана
Злыхъ бойцовъ не потревожилъ тамъ, подъ тѣнію банана».

«Видишь тѣло Европейца?—онъ отъ тигровыхъ когтей!
Пѳлъ, когда, томимый зноемъ, здѣсь прилегъ подъ
сѣнь вѣтвей:
Травъ лѣчебныхъ, знать, искалъ онъ, нашихъ хижинъ
гость смиренный,—
За него-то съ леопардомъ тигръ дерется раздраженный».

«Онъ погибъ, несчастный бѣлый! не спасетъ его стрѣла!
Вся лощина, гдѣ лежитъ онъ, алой кровью натекла....
Крѣпокъ сонъ твой, юный странникъ! жизнь угасла
молодая!
О, какъ горько будетъ плакать о тебѣ твоя родная!»

«Леопардъ неустрашимый нападаетъ на врага;
Вотъ въ зубахъ его кровавыхъ трупа стиснута нога.
Но добычу непріятель лѣвой лапой охраняетъ,
А другою онъ съ размаха леопарда поражаетъ».

«Вотъ скачекъ! и тигръ могучій на спинѣ добычу мчитъ;
Леопардъ неутомимый бодро вслѣдъ за нимъ летитъ.
Вотъ опять они сцѣпились и въ борьбѣ остервенѣлой
Обнялись,—и въ ихъ объятьяхъ трупъ стоитъ окостенѣлый»...

Но смотри: съ вершины пальмы исполинская змѣя
Опускается надъ ними, ядъ въ зубахъ своихъ тая;
Развернулась—и мгновенно охватила кровожадныхъ:
И звѣрей, и человѣка давитъ въ кольцахъ безпощадныхъ».

Ѳ. Миллеръ.

Мавританскій князь.

Дружину свою снарядилъ онъ на бой;
Обвита глава его красной чалмой;
Косматая кожа лежитъ на плечахъ:
То левъ, имъ сраженный въ окружныхъ степяхъ.

Зовутъ его клики бойцовъ удалыхъ;
Онъ, черной рукою въ браслетахъ златыхъ
Обнявъ свою дѣву, сказалъ ей: «прощай!
Съ кровавой побѣды меня ожидай.

Возьми, дорогая, подарки мои:
Вотъ жемчугъ, вплети его въ кудри свои,—
Его водолазы изъ темныхъ морей
Достали для милой подруги моей.

Вотъ страуса перья, убитаго мной,
Пусть вѣютъ они надъ твоей головой;
Укрась и шатеръ, и обѣдъ снаряди,
И кубокъ наполни, и здѣсь меня жди».

Сказалъ,—и, съ подругою милой простясь,
Къ дружинѣ выходитъ воинственный князь;
И съ крикомъ восторга вождя своего
Встрѣчаетъ лихая дружина его.

«Веди насъ къ побѣдѣ! веди насъ на бой!
Готовы мы всюду итти за тобой!»
Слоновьи клыки по долинѣ гремятъ, *)
И воины бодро на битву летятъ.

Отъ грознаго звука воинскихъ роговъ
Скрываются звѣри во мракѣ лѣсовъ.
Тамъ знамя мелькнуло и пыль поднялась,
Туда устремился съ дружиною князь.

И степь оросилась кровавымъ ручьемъ....
А дѣва готовитъ для друга пріемъ:
Красиво вѣнками шатеръ убрала
И пальмовымъ сокомъ бокалъ налила.

И жемчугъ блестящій, подарокъ морей,
Вплела она въ черныя кольца кудрей,
Чело осѣнилъ перьевъ страуса пукъ,
Обвились кораллы вкругъ шейки и рукъ.

И сѣла въ уборѣ она предъ шатромъ;
Ей издали слышенъ сраженія громъ.
Полдневное солнце лучами палитъ;
Увяли вѣнки; но она все сидитъ.

И солнце сокрылось, и вечеръ насталъ,
И вѣтеръ холодной струей пробѣжалъ,
И вотъ изъ подъ тины прибрежной, сквозь илъ,
Наверхъ освѣжиться ползетъ крокодилъ.

---

*) Мавританскія трубы.

Вотъ слышенъ и ревъ оглушительный львовъ;
Слоны отдыхаютъ подъ сѣнью деревъ;
Жирафъ долговязый спѣшитъ на покой;
Цвѣты напитались вечерней росой;

А дѣва все смотритъ въ пустынную даль,
И грудь ей волнуетъ и страхъ, и печаль.
Вдругъ съ поля сраженья къ ней воинъ бѣжитъ,
Усталый, онъ кровью и пылью покрытъ:

«Пропала надежда! твой другъ полоненъ
И за море къ бѣлымъ въ цѣпяхъ отвезенъ!»
И дѣва, какъ срѣзанный съ корня цвѣтокъ,
Упала безъ чувствъ на холодный песокъ.

Волнуется площадь народной толпой:
Тамъ циркъ для ристанья устроенъ большой;
И трубы звучатъ, и тарелки звенятъ,
Грохочутъ литавры, паяцы кричатъ.

По гладкой аренѣ, на быстрыхъ коняхъ,
Наѣздницы мчатся съ бичами въ рукахъ;
Ихъ стройные члены блестящій уборъ,
Плѣняютъ, чаруютъ всѣхъ зрителей взоръ.

Поодаль отъ скачки у самыхъ дверей,
Стоитъ африканецъ, сынъ вольныхъ степей;
Онъ держитъ большой барабанъ предъ собой,
И бьетъ въ него громко могучей рукой.

Не видитъ ристанья задумчивый мавръ,
Не слышитъ онъ грохота трубъ и литавръ,
Онъ грустно на львиную кожу глядитъ,
Которою бокъ барабана покрытъ.

И вспомнилъ онъ степи родныхъ береговъ,
Гдѣ часто травилъ онъ и тигровъ, и львовъ,
И вспомнилъ, какъ разъ, отправляясь на бой,
Простился съ подругой своей молодой;

Какъ дѣва шатеръ для него убрала,
Какъ жемчугомъ кудри свои обвила...
Онъ плачетъ, глаза покрываетъ туманъ,—
И лопнулъ подъ сильной рукой барабанъ...

Ѳ. Миллеръ.

Разсказъ ласточекъ.

День весенній догораетъ;
Подъ уснувшею волною
Водяной паукъ играетъ
Съ долгоногою семьею;

А подъ сводомъ струй холодныхъ
Возсѣдаетъ въ блескѣ чудномъ
Королева земноводныхъ
На престолѣ изумрудномъ.

Діадема изъ брильянтовъ
На главѣ ея сіяетъ;
Хоръ болотныхъ музыкантовъ
Подъ осокой распѣваетъ.

Воздухъ душенъ: долъ весенній
Разливаетъ ароматы;
Быть грозѣ: ужъ въ отдаленьѣ
Слышны первые раскаты.

Быстро тучки набѣгаютъ,
Блещутъ молніи порою;
Змѣйкой ласточки мелькаютъ
Надъ зеленою водою.

Легкокрылыя, порхая,
Тихо шепчутся съ волною:
«О, царица дорогая!
Нашъ привѣтъ тебѣ съ весною!»

«Мы летимъ изъ странъ далекихъ,
Отъ песчаной той равнины,
Гдѣ въ тѣни деревъ высокихъ
Дремлютъ въ полдень бедуины».

«Надъ пурпурными цвѣтами
Тамъ играя, мы порхали;
Тамъ предъ бѣлыми шатрами
Негры черные плясали».

«Тамъ сидѣлъ арабъ усталый
На конѣ, подъ пальмой гибкой,
А хозяйка угощала
Молокомъ его, съ улыбкой».

«Тамъ гудѣлъ колоссъ Мемнона;
Тамъ на ловлю антилоповъ
Бодро шли вооружены
Сонмы стройныхъ эѳіоповъ».

«Напоилъ насъ Нилъ широкій
Влагой струй своихъ холодныхъ
И прислалъ поклонъ глубокій
Королевѣ земноводныхъ».

«Мы несемъ тебѣ поклоны
Отъ жильцовъ подводныхъ Нила:
Отъ сѣдого ихневмона
И отъ братца—крокодила».

Ѳ. Миллеръ.

Погребеніе разбойника.

Въ носилкахъ похоронныхъ
Лежитъ боецъ лѣсовъ,
И шесть вооруженныхъ,
Суровыхъ удальцовъ.
Среди лѣсовъ дремучихъ,
Безмолвные идутъ
И на рукахъ могучихъ
Товарища несутъ.

Носилки ихъ простыя
Изъ ружей сложены,
А поперекъ стальные
Мечи положены;
На нихъ лежитъ, сраженный,
Разбойникъ молодой,
Назадъ окровавленной
Повиснувъ головой.
Въ минуту жаркой битвы

Сразилъ его свинецъ,—
И кончилъ дни ловитвы
Безтрепетный боецъ!
Сочится кровь изъ раны
По лбу и по вискамъ,
И внизъ струей багряной
Бѣжитъ по волосамъ.

Онъ грозно сдвинулъ брови,
Храня надменный видъ,
Но взоръ подъ слоемъ крови
Врагамъ ужъ не грозитъ.
Онъ правою рукою
Сдавилъ свой острый мечъ
И съ нимъ, уставшій съ бою,
Въ могилу хочетъ лечь.

Мечъ этотъ быстро, мѣтко
Удары наносилъ,
И сбирровъ онъ не рѣдко,
Какъ молнія, разилъ;
Теперь, звуча, влачится
Онъ вслѣдъ за мертвецомъ;
Какъ слезы, кровь струится
Холодная по немъ.

И въ мигъ борьбы жестокой
Со смертью роковой,
Онъ поясъ свой широкій
Схватилъ другой рукой;
Ремни его колета *)

*) Куртка.

Разрублены висятъ;
Два длинныхъ пистолета
За поясомъ блестятъ.

Такъ спитъ онъ, охладѣлый,
Лѣсовъ угрюмый сынъ,
Въ кругу ватаги смѣлой,
Средь темныхъ Аппениниъ!
Такъ съ нимъ они печально
Идутъ въ глуши лѣсной
Для чести погребальной,—
Но вотъ кричатъ имъ: «стой!»

И на земь опустили
Носилки съ мертвецомъ,
И дружно приступили
Рыть яму вшестеромъ.
Въ воинственномъ уборѣ,
Какъ былъ онъ завсегда,
Безъ гроба, на просторѣ,
Кладутъ его туда.

Засыпали землею...
«Прости, лихой собратъ!»
И медленной стопою
Идутъ они назадъ.
Но чу!—сторожевого
Свистокъ раздался вдругъ...
Ватага въ лѣсъ—и снова
Безмолвно все вокругъ.

Ѳ. Миллеръ.

Люби!

Люби, пока любить ты можешь.
Иль часъ ударитъ роковой—
И станешь, съ позднимъ сожалѣньемъ,
Ты надъ могилой дорогой.

О, сторожи, чтобъ сердце свято
Любовь хранило, берегло,
Пока его другое любитъ
И неизмѣнно, и тепло.

Тѣмъ, чья душа твоя открыта,
О, дай имъ больше, больше дай!
Чтобъ каждый мигъ дарилъ имъ счастье,
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтобъ словъ обидныхъ
Порой языкъ не произнесъ:
О, Боже! онъ сказалъ безъ злобы,
А друга взоръ ужъ полонъ слезъ!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой—
И станешь, съ позднимъ сожалѣньемъ,
Ты надъ могилой дорогой.

Вотъ ты стоишь надъ ней уныло;
На грудь поникла голова:
Все, что любилъ,—навѣкъ сокрыла
Густая влажная трава.

Ты говоришь: хоть на мгновенье
Взгляни—изныла грудь моя!
Прости язвительное слово:
Его сказалъ безъ злобы я.

Но другъ не видитъ и не слышитъ,
Въ твои объятья не спѣшитъ;
Съ улыбкой кроткою, какъ прежде,
«Прощаю все» не говоритъ.

Да, ты прощенъ; но много-много
Твоя язвительная рѣчь
Мгновеній другу отравила,
Пока успѣлъ онъ въ землю лечь.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой—
И станешь, съ позднимъ сожалѣньемъ,
Ты надъ могилой дорогой.

А. Плещеевъ.

Поступили въ продажу:

Родные поэты.

Ив. Козловъ . . .	10 к.	Д. Веневитиновъ.	10 к.
Денисъ Давыдовъ.	10 „	Тарасъ Шевченко.	10 „

Французскіе поэты.

Андрей Шенье . .	10 к.	Викторъ Гюго. . .	10 к.
Альф. де Ламартинъ	10 „	Альфр. де Мюссе.	10 „
Альфр. де Виньи. .	10 „		

Нѣмецкіе поэты.

Фридр. Шиллеръ . .	10 к.	Ст. Шиллера 2-й в.	10 к.
Іоганнъ Гете . . .	10 „	Генрихъ Гейне. .	10 „
Людвигъ Уландъ.	10 „	Фер. Фрейлигратъ.	10 „

Англійскіе поэты.

Альфр. Теннисонъ.	10 к.	Генри Лонгфелло.	10 к.
Робертъ Борнсъ .	10 „	Вальтеръ Скоттъ.	10 „
Георгъ Краббъ. .	10 „	Томасъ Муръ. . .	10 „
Томасъ Гудъ. . .	10 „	Робертъ Соути. .	10 „

Польскіе поэты.

Адамъ Мицкевичъ.	10 к.	Конрадъ Валленродъ поэма А. Мицкевича.	15 к.
Л. Кондратовичъ. (Сырокомля). . . .	10 „		

Датскіе поэты.

Гансъ-Христіанъ Андерсенъ 10 к.

Складъ изданія:

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ пассажѣ Джамгаровыхъ, въ книжномъ магазинѣ Общества распростр. полезн. книгъ.

Тип. О-ва распростр. полезн. книгъ, аренд. В. КУДИНОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

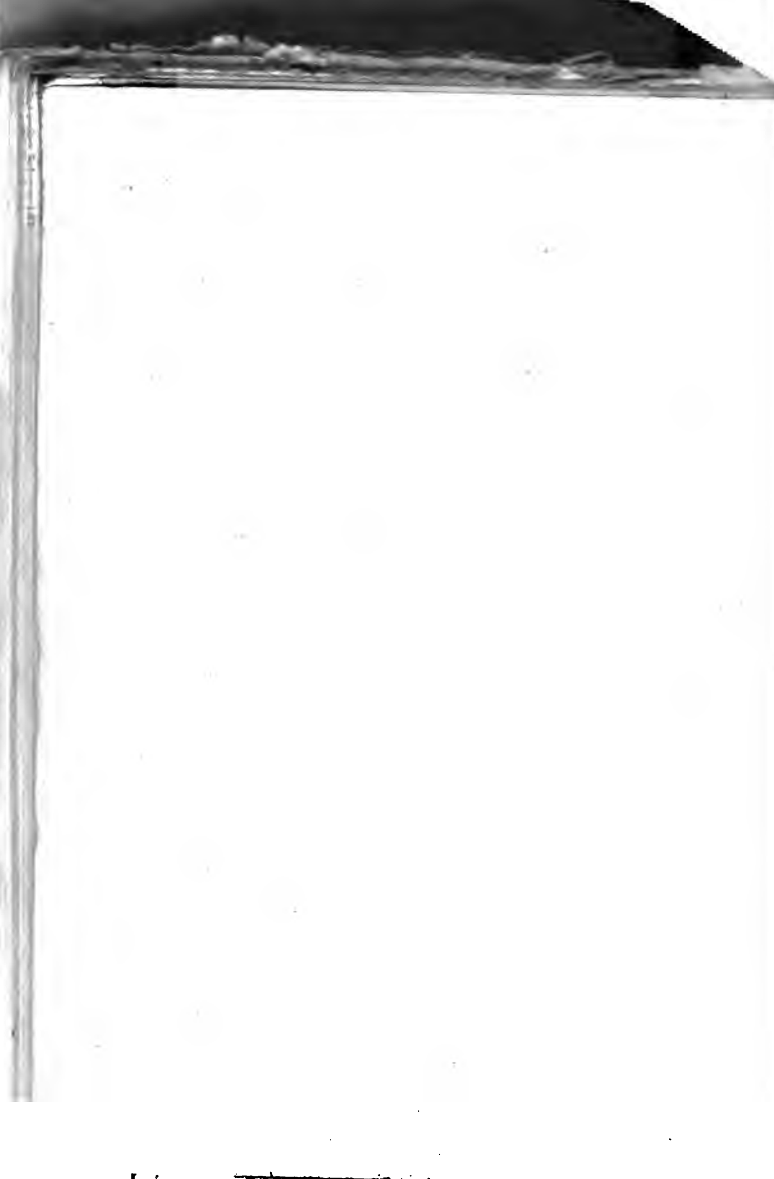
ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ

ТОМАСЪ ГУДЪ

съ приложеніемъ его стихотвореній.

МОСКВА, 1901.

Цѣна десять копѣекъ.

Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Томасъ Гудъ

(1798—1845)

Біографическій очеркъ англійскаго поэта, съ приложеніемъ его стихотвореній.

Глубокое чувство къ страждущимъ, труждающимся и обремененнымъ было отличительною чертою таланта Гуда. Это былъ истинный рыцарь обремененныхъ и нуждающихся, настоящій христіанинъ въ чувствахъ къ ближнему. *Н. Гербель.*

МОСКВА,

Типографія Общ. распростр. полез. книгъ, аренд. В. Кудиновымъ.
Моховая, противъ манежа, д. кн. Гагарина.

1901.

Цѣна десять копѣекъ.

Дозволено цензурою. Москва, 1 августа 1901 года.

Вступленіе.

Въ 1844 году, въ Лондонѣ въ одномъ изъ святочныхъ нумеровъ комическаго журнала «*Пончa*», между каррикатурами и разными шутовскими тирадами въ стихахъ и прозѣ, была напечатана и «*Пѣснь о рубашкѣ*», безъ подписи автора; но Диккенсъ тотчасъ же догадался, что авторомъ этой пѣсни былъ Томасъ Гудъ, высокодаровитый писатель, съ поэтическимъ талантомъ высшаго разбора. Пѣснь эта вложена въ уста бѣдной изнуренной работою, изнемогающей отъ голода швеи, шьющей рубашку.

«*Пѣснь о рубашкѣ*» имѣла огромный успѣхъ. Вскорѣ по напечатаніи ея, почти вся грамотная Англія стала повторять наизусть слова изъ этой пѣсенки:

Шей, шей, шей!
Въ грязи, нищетѣ, голодна.
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того-жъ полотна.

Однимъ словомъ, пѣсня стала народной: швеи подобрали къ ней мотивъ. Перепечатанная почти во всѣхъ англійскихъ повременныхъ изданіяхъ и положенная на музыку, она вскорѣ пріобрѣла такую популярность во всей Великобританіи и Ирландіи, что стала являться даже на бумажныхъ носовыхъ платкахъ, возбуждая всюду самый горячій энтузіазмъ.

Стихотвореніе *«О рубашкѣ»* было навѣяно чтеніемъ изслѣдованій комитета о положеніи нуждающихся мастерицъ (**needle - women**) въ Лондонѣ. Это случилось за два года до кончины Томаса Гуда. Написавъ свою пѣсню, онъ отдалъ ее женѣ, чтобы та отнесла эту маленькую вещицу въ редакцію *«Пончa»*: «я ее обѣщалъ редактору». Прочитавъ стихотвореніе, мистриссъ Гудъ сказала ему: «Припомни мои слова, другъ мой, что это одна изъ твоихъ лучшихъ вещей,—она не пройдетъ безъ большого успѣха». Черезъ нѣсколько дней предсказаніе подтвердилось. Скорбное, но честное и святое слово было сказано во время, и, что еще важнѣй, сказано безъ задора, безъ под-

стрекательства на вражду и насиліе. Восторгъ, возбужденный стихотвореніемъ, быстро высказался въ самыхъ *Практическихъ проявленіяхъ*. По столицѣ, по большимъ городамъ и въ сельскихъ пріютахъ стали формироваться компаніи жертвователей съ цѣлью облегченія участи лондонскихъ работницъ. Подписка открывалась каждый день; по Лондону начались розыски бѣдныхъ женщинъ, образовались особыя компаніи для отправки ихъ за море, доставленія имъ выгодныхъ мѣстъ и всякихъ пособій въ болѣзни. Въ одной строфѣ Гудова стихотворенія бѣдная труженица выражаетъ желаніе, хоть на минуту посмотрѣть на зелень, вздохнуть чистымъ воздухомъ—даже эта подробность не прошла даромъ: въ числѣ вновь открывшихся подписокъ были такія, которыхъ касса должна была итти на выселеніе швей изъ столицы въ деревни и маленькіе города на здоровыя мѣстности, съ пріисканіемъ для нихъ мѣстъ и занятій.—Въ теченіе года много тысячъ несчастныхъ женщинъ было призрѣно, успокоено, выселено за море, избавлено отъ изнурительной работы. Въ Лондонѣ ни

«*комитетъ*», ни люди, ему сочувствовавшіе, не могли даже и вообразить себѣ, какъ подвинется ихъ дѣло вслѣдствіе маленькой пѣсенки, помѣщенной въ маленькомъ потѣшномъ журналѣ!

Такимъ образомъ Томасъ, наконецъ, дождался своего блистательнаго народнаго успѣха въ литературѣ.

Томасъ Гудъ имѣлъ полное право желать, чтобы на его памятникѣ сдѣлана была надпись:

«Онъ спѣлъ пѣсню о рубашкѣ».

Томасъ Гудъ.

Томасъ Гудъ родился въ 1798 году въ семействѣ, изъ котораго горе и болѣзни почти не выходили. Еще дитятей онъ лишился отца и матери; братъ и сестра Томаса умерли отъ чахотки; въ немъ самомъ уже рано появился зародышъ этой же болѣзни, впослѣдствіи соединившейся съ органическимъ разстройствомъ сердца.

Не смотря на собраніе такихъ крайне не утѣшительныхъ обстоятельствъ, Томасъ Гудъ поражалъ всѣхъ лицъ, его знавшихъ, своей шаловливостью, веселостью и замѣчательной бойкостью рѣчи. Его остроты и шуточныя импровизаціи скоро доставили ему славу рѣдкаго собесѣдника, а характеръ прямой и честный далъ ему друзей.

Въ юномъ возрастѣ плохое здоровье Гуда побудило его отправиться въ Шотландію на берегъ моря къ роднымъ своего отца, жившимъ

въ городѣ Донди... Но ему пришлось поселиться нахлѣбникомъ у одной шотландки, которая содержала комнаты, вродѣ пансіона, для жильцовъ. Тамъ онъ много читалъ, усовершенствовалъ свой стихъ и работалъ очень усердно.

Къ этому времени пребыванія Гуда въ Шотландіи относится и первое его появленіе въ печати. Поводомъ къ этому событію послужило появленіе между жильцами пансіона какого то антикварія, присланнаго изъ Эдинбурга съ порученіемъ сдѣлать какіе то розыски въ мѣстныхъ архивахъ.

«Я былъ того мнѣнія, говоритъ Гудъ въ своихъ «*Литературныхъ воспоминаніяхъ*», что, какъ въ домашней, такъ и въ государственной экономіи, гораздо полезнѣе подметать соръ въ настоящемъ, чѣмъ стирать пыль съ прошедшаго. Вслѣдствіе этого я рекомендовалъ пріобрѣсти нѣсколько щетокъ для городского управленія и послалъ съ такимъ предложеніемъ шуточное письмо къ издателю не то «*Вѣстника*», не то «*Хроники*», выходившей въ Донди».

«Письмо удостоилось чести явиться на самомъ видномъ мѣстѣ въ столбцахъ газеты.

Принятіе письма моего въ газету окрылило меня—и я поспѣшилъ отправить кое-что и въ ежемѣсячный журналъ, издававшійся въ Донди. Издатель былъ такъ милостивъ, что принялъ мою дичь подъ свой покровъ, не поставивъ ничего въ счетъ за ея помѣщеніе... Такой успѣхъ превратилъ меня въ самаго усерднаго бумагомарателя, и я продалъ себя душою и тѣломъ «Печатному Бѣсу, этому меньшому брату нѣмецкаго Мефистофеля.»

Спустя нѣсколько лѣтъ, упомянутый бѣсъ сталъ, дѣйствительно, моимъ домашнимъ духомъ.

Въ концѣ 1820 года Гудъ снова переѣхалъ въ Лондонъ и, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, сталъ извѣстенъ многимъ литераторамъ. Въ 1821 году онъ оставилъ свои прежнія занятія по коммерческой части, чтобъ вступить въ составъ редакціи «*Лондонскаго магазина*», въ то время пользовавшагося сотрудничествомъ очень даровитыхъ литераторовъ. Остро-

уміе и веселость мелкихъ статеекъ были такъ оригинальны, что ни публика, ни главные редакторы *«Лондонскаго магазина»* не обратили вниманія на другія, болѣе серьезныя стороны Гуда, какъ поэта. Съ того часа, какъ онъ сталъ общимъ забавникомъ, отъ него начали требовать забавы и одной забавы. Напрасно онъ печаталъ стихотворенія, исполненныя тонкой, интимной прелести, стихотворенія, полныя серьезнаго значенія,—общій голосъ говорилъ одно: «Прекрасно, но мы хотимъ отъ нашего автора лишь юмора и веселостей».

Въ 1824 году двадцати шести лѣтъ отъ роду Т. Гудъ женился по любви на миссъ Дженъ Гейнольдсъ, сестрѣ одного изъ своихъ товарищей по литературѣ. Десятилѣтіе отъ 1824 до 1834 было счастливѣйшею порою его жизни. Семейная жизнь его могла назваться образцовою, а мистриссъ Гудъ, явившаяся почти святою женщиною въ послѣднюю пору скорбныхъ годовъ, была вполнѣ достойна человѣка, ею избраннаго. Денежныя дѣла его были недурны, и онъ могъ жить вдали отъ Лондо-

на, который былъ такъ пагубенъ поэту съ своими туманами, своей суетливостью и своими редакторами-искусителями. Сидя въ свѣтломъ уединеніи, Гудъ не имѣлъ надобности изнурять себя для забавы публики. Тутъ онъ написалъ романъ «*Тильней Голль*», до сихъ поръ читающійся съ удовольствіемъ, и, что еще важнѣе, порядочное количество лучшихъ своихъ стихотвореній.

Въ 1829 году Гудъ является издателемъ альманаха (Fhe Sem), въ которомъ было помѣщено одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній его, небольшая поэма: «*Сонъ Евгенія Арама*». Стихотвореніе это имѣло громадный успѣхъ и сдѣлало имя Гуда извѣстнымъ во всей Англіи. «Оно, говоритъ Алленъ Коннингенъ,—даетъ ему высокое мѣсто въ ряду поэтовъ, которые касаются темной и страшной стороны человѣческой природы, и не столько яснымъ выраженіемъ, сколько намекомъ говорятъ о преступленіяхъ, имя которыхъ приводитъ людей въ содроганіе».

Сюжетъ взятъ изъ уголовнаго дѣла: молодой человѣкъ совершилъ убійство, которое

ему удалось счастливо скрыть. Онъ былъ потомъ школьнымъ учителемъ и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Только черезъ 14 лѣтъ открылось дѣло, и виновный былъ казненъ въ 1759 г. въ Іоркѣ. Ему было 54 года отъ роду.

Въ концѣ 1834 года, вслѣдствіе коммерческой катастрофы издателя, Томасъ Гудъ не только лишился всего состоянія, заработаннаго тяжелымъ трудомъ но еще увидѣлъ себя въ долгахъ.

Долги эти были большею частью по поручительству за другихъ, и Томасъ Гудъ могъ, объявивъ себя несостоятельнымъ банкротомъ, представить въ уплату то, чѣмъ владѣлъ въ настоящую минуту. Но Гудъ былъ благороденъ не менѣе В. Скотта и попросилъ у кредиторовъ нѣсколько лѣтъ отсрочки, съ обязательствомъ выплатить весь долгъ безъ малѣйшей сбавки. Гудъ набралъ работы, какъ можно болѣе, и переѣхалъ на Рейнъ, гдѣ жизнь дешевле, чѣмъ на родинѣ. Около пяти лѣтъ Гудъ провелъ въ Германіи, работая изо всѣхъ силъ, постепенно освобождаясь отъ своего долга.

Въ 1840 году большая часть долговъ была уплачена. Поставьте рядомъ съ великимъ романистомъ (Вальтеръ Скоттомъ) Т. Гуда съ женою и малолѣтними ребятишками на чужой сторонѣ, заваленнаго черной, мало награждающей работой, и вы сознаетесь, что знаменитая твердость В. Скотта отчасти меркнетъ передъ почти неизвѣстною свѣту твердостью духа его собрата.

Въ 1841 году Т. Гуда избрали на должность редактора журнала: «*Новый Ежемѣсячный Магазинъ*» (New Mouthly Magazin), съ жалованьемъ въ 300 ф. (Около 2000 р.), независимо отъ платы за статьи, ему принадлежащія. Но редакторство его длилось только два года.

Съ 1844 года сталъ аккуратно выходить каждое первое число журналъ, основанный Томасомъ Гудомъ подъ лаконическимъ названіемъ: «*Магазинъ Гуда*». Этотъ журналъ скоро сдѣлался любимымъ чтеніемъ англичанъ, главному требованію которыхъ, заключающемуся въ обиліи занимательныхъ повѣстей, юмористическихъ статей и хорошихъ стиховъ;

онъ удовлетворялъ, какъ нельзя лучше. Томасъ «Гудъ», по выраженію неизвѣстнаго нѣмецкаго критика, «пѣлъ въ своемъ «*Магазинѣ*», какъ поетъ птица въ своей клѣткѣ: и свои слезы, и свой смѣхъ переводилъ прямо въ образы, не подвергая ихъ анализу».

Январскій нумеръ «*Магазина Гуда*» на 1845 годъ былъ послѣднимъ нумеромъ, проредактированнымъ самимъ поэтомъ-редакторомъ. Февральскій нумеръ вышелъ въ свѣтъ уже подъ редакціей Варда. Въ этомъ нумерѣ журнала было напечатано послѣднее стихотвореніе, написанное Гудомъ. Стихотвореніе начиналось такъ:

«Жизнь, прощай! Мутится умъ»...

Въ 1844 году королева назначила поэту ежегодную пенсію въ 100 ф., пособіе довольно скудное. По англійскому закону самая высшая пенсія за литературныя заслуги не должна превышать 100 ф. Законъ этотъ принятъ давно, когда эти деньги представляли капиталъ значительный. Съ тѣхъ поръ цѣны на все измѣнились, но не было и рѣчи объ измѣненіи закона.

Какъ ни скудна была назначенная пенсія, но она была для Гуда, просто, спасеніемъ. Безъ этихъ бѣдныхъ сотни фунтовъ Гудъ могъ бы узнать полную нищету, потому что здоровье его совершенно ослабѣло, и на возстановленіе его не оставалось даже малой надежды.

Весною 1845 года приближеніе кончины стало очевидно, и поэтъ не обманывался въ своемъ положеніи. Уже у него не доставало силы поддерживать въ себѣ обычную, неугасимую веселость, шутить надъ своей болѣзнью и разсказывать смѣшныя исторіи маленькимъ дѣтямъ, которыхъ онъ всегда называлъ драгоцѣнными собесѣдниками; но ясность духа и твердость оставались въ немъ прежнія.

«Нашъ міръ хорошъ, очень хорошъ»,—говорилъ онъ незадолго до своей смерти.—«Лежа и думая, я убѣждаюсь въ этомъ болѣе и болѣе. Даже глядя на него съ самой человѣческой точки зрѣнія, придется сознаться, что онъ не такъ гадокъ, какъ разные люди о томъ провозглашаютъ. Я зналъ счастливые дни на этомъ свѣтѣ и не прочь бы пожить

въ немъ еще, хотя немного. Но... будемъ надѣяться, что все устроено къ лучшему.»

Самая кончина Гуда какъ-будто согласовалась съ его жизнью. 3 мая 1845 года онъ умеръ безъ особенныхъ страданій, нѣжно простясь съ семействомъ и произнося нѣсколько отрывковъ изъ Священнаго Писанія. Въ послѣднихъ словахъ его: «умираю, умираю» былъ такой чуждый всякаго страданія тонъ, что онъ напоминалъ, какъ бы восклицаніе человѣка, послѣ тяжкихъ дневныхъ трудовъ, наконецъ, добравшагося до спокойной постели.

«Такъ угасъ, не доживъ до преклонныхъ лѣтъ, одинъ изъ самыхъ благородныхъ людей и симпатическихъ поэтовъ, какими когда-либо могла гордиться англійская литература».

3 мая 1845 года Гудъ рано утромъ перешелъ почти незамѣтно отъ жизни къ смерти.

Похороны Т. Гуда совершились скромно и безъ шуму. Тѣло усопшаго было предано землѣ на Кенсаль-Гринскомъ кладбищѣ, а въ іюлѣ 1855 года былъ воздвигнутъ надъ нимъ памятникъ по всеобщей подпискѣ, представляющій большой бронзовый бюстъ поэта на

красивомъ пьедесталѣ изъ полированнаго краснаго гранита. На карнизѣ плиты, поддерживающей бюстъ, начертаны слова: «*Онъ спѣлъ пѣсню о рубашкѣ*». По бокамъ же пьедестала, въ двухъ медальонахъ изображены двѣ сцены изъ двухъ знаменитѣйшихъ его произведеній: на одномъ «*Утопленница*» («Мостъ вздоховъ»), которую выносятъ на берегъ; на другомъ—«*Евгеній Арамъ*», только что закрывшій книгу и грустно слѣдящій за играми своихъ маленькихъ учениковъ. Подъ первой, изображенной на памятникѣ сценой, можно бы было подписать слова изъ «*Утопленницы*»:

Окажите усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе:
Прикасайтеся бережно къ ней.

Не гнушайтеся тѣломъ безжизненнымъ,
Подымите его на рукахъ,
Не клеймя языкомъ укоризненнымъ
Этотъ бѣдный, истерзанный прахъ.

Подъ второй сценой можно бы подписать слова изъ стихотворенія: «*Евгеній Арамъ*:»

Наконецъ, онъ порывисто книгу закрылъ,
И рукой исхудалой налегъ
Онъ на темный ея переплетъ и потомъ
Сжалъ застежкой ее поперекъ.
О, мой Боже! когда бы и душу свою
Я закрыть, запереть такъ же могъ.

Заключеніе.

Поэзія Томаса Гуда, какъ и вся его литературная дѣятельность, говоритъ Н. Гербель, была вполнѣ искренна. Знакомясь съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, мы видимъ тоже гармоническое соединеніе глубокаго, строгаго и серьезнаго чувства и яснаго, гуманнаго и проницательнаго взгляда на жизнь съ почти младенческой беззаботностью и веселостью, къ какимъ способны только чистыя и добрыя души.

«Глубокое чувство къ страждущимъ, труждающимся и обремененнымъ было отличительною чертою Гудова таланта. Это былъ истинный рыцарь обремененныхъ и нуждающихся, настоящій христіанинъ въ чувствахъ къ ближнему.

Многіе изъ поэтовъ были несравненно бѣднѣе Гуда поэтическимъ талантомъ, но имъ, а не ему дались слава и достатокъ... Дѣло въ томъ, что непрестанная будничная работа не дала ему возможности выступить передъ свѣтомъ во всемъ оружіи своего блестящаго

таланта. Болѣзнь и черный литературный трудъ изъ-за хлѣба довершили дѣло, окончательно отнявъ у поэта возможность трудиться для славы.

Его дѣятельность была связана судьбою летучихъ листковъ, юмористическихъ журнальчиковъ, литературныхъ альманаховъ,—однимъ словомъ, предпріятій, скорѣе пагубныхъ, чѣмъ пригодныхъ для первокласснаго литературнаго дѣятеля. Гудъ видѣлъ это и, сознавая въ себѣ истиннаго поэта, не могъ подавить въ себѣ скорбнаго чувства. «Жребій брошенъ,—говаривалъ онъ своимъ ближайшимъ пріятелямъ,— «я умру общимъ забавникомъ. Я долженъ быть веселымъ Гудомъ, чтобъ не быть Гудомъ голоднымъ». (Тутъ, по его обыкновенію, выходитъ каламбуръ: I must be a lively Hood for a lively Hood)!

Онъ умиралъ въ полномъ спокойствіи, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ основанія безпокоиться за судьбу своей семьи: ей уже, какъ мы сказали, была назначена пенсія. Жена пережила его только на полгода. Сынъ его былъ небезъизвѣстнымъ романистомъ школы Диккенса.

Стихотворенія.

Мостъ вздоховъ.

Вотъ еще одна жертва несчастная,
Утомяся житейской борьбой,
Еще юная, нѣжно-прекрасная,
Такъ покончила рано съ собой!

Окажите усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе:
Прикасайтеся бережно къ ней!

Посмотрите на тѣло застывшее:
На немъ платье, какъ саванъ, лежитъ,
И вода, этотъ трупъ напоившая,
Съ него капля по каплѣ бѣжитъ.

Не гнушайтеся тѣломъ безжизненнымъ,
Подымите его на рукахъ,
Не клеймя языкомъ укоризненнымъ
Этотъ бѣдный, истерзанный прахъ.

Не съ холодностью сердца жестокою,
Не съ презрѣньемъ сухимъ на лицѣ,—
Но подумайте съ скорбью глубокою
Объ ея злополучномъ концѣ.

Позабудьте ея согрѣшенія:
Смертью смытъ ея жизни позоръ...
Пусть отнынѣ ея преступленія
Не коснется людской приговоръ!

Здѣсь не кстати упреки безплодные!
Позабудьте, простите вполнѣ
И утрите ей губы холодныя:
Вязкой тиной покрыты онѣ.

Уберите ей косы прекрасныя,
Эти темныя волны кудрей;
Между тѣмъ какъ догадки напрасныя
Праздный людъ составляетъ о ней.

Кто она? надъ печальной могилою
Слезы есть ли кому проливать?
У ней были-ль родные иль милые
Братья, сестры отецъ или мать?

Иль другой кто-нибудь еще болѣе
Близкій сердцу, чѣмъ домъ и семья,
Погорюетъ надъ грустною долею,
Надъ несчастной кончиной ея.

Нѣтъ! Обширна столица богатая
И толпой многолюдной полна,
Но, всѣмъ чуждая, точно проклятая,
Не имѣла пріюта она.

Тамъ, гдѣ въ черной рѣкѣ отражается
Слабый свѣтъ отъ вечернихъ огней,
И, дрожа, въ темной влагѣ купается
Дальній отблескъ ночныхъ фонарей,

И бушуетъ пучина глубокая,
Ударяя о берегъ волной,—
Тамъ стояла она одинокая,
Безпріютная, ночью глухой.

Но её эта ночь непроглядная
Не пугала ужъ тьмою своей,
Не пугала и арка громадная,
Ни холодная бездна подъ ней.

Смерть влекла ее съ страшною силою,
И тоска надрывала ей грудь...
Только бъ съ жизнью покончить постылою,
Какъ-нибудь—все равно—какъ нибудь!

И отважно безъ слезъ, безъ раскаянья,
Она бросилась въ волны рѣки...
Кто пойметъ эту бездну отчаянья,
Этотъ адъ безнадежной тоски!

Окажите-жъ усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе:
Прикасайтеся бережно къ ней!

Пока смерти рука леденящая
Не сковала ей членовъ нѣмыхъ,
Осторожно, съ заботой любящею
Распрямите, расправьте вы ихъ.

И закройте глаза ей стеклянные,
Что сквозь тину такъ слѣпо глядятъ,
Будто въ вѣчность вперивши туманную
Свой послѣдній отчаянный взглядъ.

Надоѣла ей жизнь безотрадная,
Преступленье, позоръ впереди,
И жестокость людей безпощадная,
И тоска въ наболѣвшей груди...

Пусть, измучась житейскою битвою,
Она вѣчнымъ покоится сномъ;
И, какъ-будто съ нѣмою молитвою,
Вы сложите ей руки крестомъ.

И простите ей съ кроткой любовію:
Вы не судьи! Судья у ней—Тотъ,
Кто Своею божественной кровію
Искупилъ человѣческій родъ.

Д. Михаловскій.

Пѣснь о рубашкѣ.

Затёкшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ!—шьетъ—шьетъ...
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ—
Поетъ о рубашкѣ она!

Работай! работай! работай!
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай!
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ христіанъ.

Работай! работай! работай!
Пока не сожметъ головы, какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай!
Пока не померкнетъ въ глазахъ!
Строчку—ластовку—воротъ—
Воротъ—ластовку—строчку...
Повалитъ ли сонъ надъ шитьемъ— и во снѣ
Строчишь все да рубишь сорочку.

О, братья любимыхъ сестеръ!
Опоры любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите—нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того-жъ полотна!

Но что мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди.
Я стала похожа сама на нее!
Похожа отъ голода я на нее.,..
Здоровье не явится вновь!
О, Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

Работай! работай! работай!
Мой трудъ безконечный жестокъ;
А плата? отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.
Скамейка да столъ —голый полъ —
Убогая кровля сквозится...
И то любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

Работай! работай! работай!
Отъ боя до боя часовъ!

Работай! работай! работай!
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка—ластовка—воротъ—
Воротъ—строчка—рубецъ...
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука—
И сердце замретъ подъ конецъ.

Работай! работай! работай,
Когда леденѣетъ въ окошкѣ стекло!
Работай! работай, работай,
Когда и свѣтло, и тепло—
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

О, только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами...
О, только хоть часъ бы прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

О, только бы часъ лишь одинъ!
Лишь мигъ!.. чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вамъ нѣтъ:
Все время печаль отняла!

Поплакать бы—легче бы сердцу отъ слезъ.
Нѣтъ, слезы мои, не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить!
Шитья моего не мочите!

Затёкшіе пальцы болятъ
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ—шьетъ—шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна;
И жалобно горькую пѣсню поетъ...
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?
Поетъ о рубашкѣ она.

* * *

Сонъ лэди.

Въ постели богатая лэди лежитъ —
Постель такъ тепла и мягка—
Но что же такъ сонъ безпокоенъ ея?
Иль сердце сжимаетъ тоска?
То вскинетъ руками, то тяжко застонетъ,
То будто-бы призракъ пугающій гонитъ.

Вотъ, съ крикомъ съ постели вскочила она
И сѣла на ней и глядитъ,
Безумно уставясь, какъ-будто предъ ней
Ужасное что-то стоитъ,

И вновь на подушки упавъ головою,
Закрыла лицо охладѣвшей рукою.

Отдернула шелковый пологъ она —
Ей душно, ей тяжко подъ нимъ,
Ночникъ озаряетъ лѣпной потолокъ
Мерцающимъ свѣтомъ своимъ.
«О, Боже!» она восклицаетъ:
Какое ужасное было видѣнье!

Мнѣ видѣлся мрачный, томительный путь,
Межъ длиннаго ряда гробовъ,
И въ саванахъ бѣлыхъ слѣдила за мной
Нѣмая толпа мертвецовъ...
И всюду, куда лишь нога ни ступала,
Я жертвы и ужасы смерти встрѣчала!

Ахъ! вонъ молодая дѣвица стоитъ—
Шитье въ исхудалыхъ рукахъ—
Глубоко ввалилась изсохшая грудь
И блѣдность на впалыхъ щекахъ...
И слышу: «на васъ мы потратили силу:
Вашъ блескъ прежде времени свелъ насъ въ могилу!

Ахъ! ради уборовъ, причудливыхъ модъ,
Мы гнулись въ лачугахъ своихъ,
И только затѣмъ, чтобъ покой отыскать
Въ тѣни кипарисовъ сѣдыхъ»!
И съ грустью на рядъ мнѣ могилъ указала...
И я имъ печальнымъ конца не видала!

Я дальше иду—все гробы и гробы—
 У каждаго призракъ стоитъ.
Одинъ на другомъ громоздятся гробы—
 И мрачно ужасенъ ихъ видъ!
Среди удовольствій, въ чаду обаянья,
Не знала я міра трудовъ и страданья!

Не знала ни сердца разбитаго мукъ,
 Ни слезъ, что у бѣдныхъ текутъ,
Ни тѣхъ безпрестанныхъ лишеній и нуждъ,
 Что горькую жизнь ихъ гнетутъ:
Ихъ горе, болѣзни, нужда и печали
Меня и во снѣ никогда не смущали!

Вотъ тащится бѣдный калѣка-слѣпецъ,
 Вотъ нищій безъ крова старикъ;
Вотъ слышится плачъ овдовѣвшей жены,
 Младенца голоднаго крикъ.
Они всѣ ушли отъ меня безъ надежды!
Голодный—безъ пищи, нагой—безъ одежды!

Я слезы несчастныхъ могла осушить,
 Но я безучастна была...
Теперь все, давно позабытое мной,
 Во снѣ роковомъ я нашла...
Ахъ, этихъ страдальцевъ печальные взоры
Въ душѣ пробудили тоску и укоры!

И каждый ихъ ликъ, орошенный слезой,
 И каждый просительный взглядъ—

Съ безмолвнымъ упрекомъ теперь на меня
Такъ близко, такъ живо глядятъ!
О, если всѣ эти былого картины
Увижу я снова въ минуту кончины!

Безпечно я шла по земному пути,
Не видя страданья людей,
И многихъ, быть можетъ, въ могилу свела
Холодностью только своей.
Тутъ гибла семья, нищетою томима,
А я равнодушно, безпечно шла мимо!

Мнѣ цѣнныя вина служили питьемъ,
А имъ лишь гнилая вода:
И рыба, и мясо, и дичь, и плоды
Мой столъ наполняли всегда;
Но я не видала страданья народа
Безъ хлѣба средь бѣдствій голоднаго года.

Какъ знатная дама, ходила всегда
Я въ пышныхъ нарядахъ своихъ;
И бархатъ, и шелкъ покрывали меня,
И шубы мѣховъ дорогихъ —
А тамъ нагота на морозѣ дрожала
И рубищемъ члены свои прикрывала.

Всѣ эти страданья, всѣ раны нужды
Могла я легко исцѣлить:
Вѣдь я никогда не питала въ душѣ
Желаніе—злое творить.

Но видно не меньше злодѣя преступенъ
И тотъ, кто любви и добру недоступенъ!

Въ отчаяньѣ руки ломаетъ она,
Тоска овладѣла душой—
И тихо на пухъ изголовья текутъ
Горячія слезы рѣкой...
Ахъ, если бы знатныя дамы иныя
Видали порой сновидѣнья такія!

Ѳ. Миллеръ.

Морской берегъ.

Море возмутилося—
Буря, градъ и громъ;
Небо омрачилося—
Тьма и мгла кругомъ.
Силы, всколебавшія
Моря глубину
И съ пескомъ смѣшавшія
Мутную волну!
Вы, что такъ бросаете
Брызги въ облака
И такъ зло играете
Лодкой рыбака,
Отъ тревоги блѣднаго,
Смятаго борьбой,—
Не толкайте бѣднаго
Въ яростный прибой!

Въ свѣтѣ молній блещущихъ
Унесите челнъ
Прочь отъ этихъ плещущихъ
И сердитыхъ волнъ!

От жилья знакомаго,
Что къ себѣ манитъ
Моряка, несомаго
Бурей на гранитъ.

Отъ жены, рыдающей
Въ ужасѣ--и тамъ
Руки простирающей
Къ мрачнымъ небесамъ;

Отъ дѣтей тоскующихъ,
Что отецъ нейдетъ,
Отъ ихъ ласкъ чарующихъ,
Отъ всего, что ждетъ

Тамъ, за пѣной бѣлою..
Господи, отъ ней
Лодку эту смѣлую
Унеси скорѣй!

Сердце ужасается
И того порой,
Что ужъ приближается
Къ намъ нашъ домъ родной.

Д. Л. Михаловскій.

Сонъ Евгенія Арама.

Теплымъ блескомъ горя, зажигалась заря,
Лѣтній вечеръ былъ ясенъ и тихъ;
Въ часъ назначенный вышла изъ школы толпа
Ребятишекъ безпечно—живыхъ,
Побѣжали они, и далеко кругомъ
Голоса раздавалися ихъ.

Дѣтской радости полны въ невинныхъ сердцахъ,
И безгрѣшны, и чисты душой,
Всѣ они разбрелися на ровномъ лугу,
Зеленѣвшемъ роскошной травой;
И, казалось, одѣтъ въ ясный вечера свѣтъ,
Издали онъ былъ весь золотой.

И, какъ рой рѣзвыхъ пчелъ, на зеленой травѣ
Зашумѣлъ ихъ веселый кружокъ,
И смѣялись они, и безпечный ихъ смѣхъ
На минуту замолкнуть не могъ;
Но печаленъ и тихъ, удалившись отъ нихъ,
Ихъ учитель сидѣлъ одинокъ:

Шляпу снялъ онъ, кафтанъ на груди распахнулъ,
Чтобъ себя освѣжить вѣтеркомъ,
Оттого, что горѣлъ въ головѣ его мозгъ,
Грудь больная дышала съ трудомъ;
И ладонями рукъ, полонъ тягостныхъ мукъ,
Сжалъ онъ щеки, поникнувъ челомъ.

Наклонившись надъ книгой, онъ долго читалъ,
Не взглянулъ онъ ни разу кругомъ,
Не видалъ онъ румянаго блеска зари,
Что на небѣ горѣлъ голубомъ,
Взоръ его потускнѣлъ, онъ былъ блѣденъ и худъ,
Какъ измученный долгимъ трудомъ.

Наконецъ, онъ порывисто книгу закрылъ
И рукой исхудалой налегъ
Онъ на темный ея переплетъ, и потомъ
Сжалъ застежкой его поперекъ;
«О, мой Боже! Когда бы и душу свою
Я закрыть, запереть также могъ!»

И, вздохнувъ, тяжело онъ съ земли поднялся
И тоскливо, въ себя углубленъ,
Онъ по лугу бродилъ, будто призракъ могилъ,
Свой подземный покинувшій сонъ;
И, взглянувши кругомъ, подъ тѣнистымъ кустомъ
Увидалъ съ книгой мальчика онъ.

И, къ нему подойдя, «чѣмъ ты занятъ дитя, —
Онъ спросилъ,—что читалъ ты сейчасъ?
Повѣсть, сказку? иль лѣтопись царствъ и людей,
Бывшихъ въ мірѣ задолго до насъ?
Мальчикъ, вскинувъ глаза на него, отвѣчалъ:
«Нѣтъ, объ Авелѣ это разсказъ»

И учитель, услышавъ ребенка отвѣтъ
Будто болью внезапной объятъ,

Поблѣднѣвъ, сдѣлавъ шесть торопливыхъ шаговъ,
Шесть шаговъ и впередъ, и назадъ,
Сѣлъ съ нимъ рядомъ потомъ и повелъ рѣчь о томъ,
Какъ загубленъ былъ Каиномъ братъ.

О злодѣяхъ временъ миновавшихъ давно,
О преданьяхъ убійствъ говорилъ,
И о людяхъ, зарѣзанныхъ въ темныхъ мѣстахъ,
Погребенныхъ средь тайныхъ могилъ,
Объ ударахъ кровавыхъ, которые лѣсъ
Мрачнымъ шумомъ деревъ заглушилъ.

Говорилъ онъ, какъ ночью встаютъ изъ земли
Привидѣнья убитыхъ людей,
Какъ рукой окровавленной кажутъ они
Мѣсто тайной могилы своей;
Говорилъ и о томъ, что небеснымъ судомъ
Обрекается казни злодѣй.

Говорилъ, что убійцы живутъ на землѣ,
Будто Каинъ съ проклятой душой,
Что пылаетъ въ нихъ мозгъ и предъ взорами ихъ
Все одѣто кровавою мглой,
И что имъ никогда съ рукъ не сгладить слѣда
Крови, тайно отъ всѣхъ пролитой.

Да,—сказалъ онъ—ужасны мученья убійцъ,
И я знаю ихъ, знаю вполнѣ:
Горе, вѣчное горе тому, чья рука
Обагрилась въ крови!.. Снилось мнѣ

Прошлой ночью, что былъ я злодѣй, что убилъ
Человѣка, убилъ я во снѣ!

Это былъ человѣкъ, мнѣ не дѣлавшій зла,
Старъ годами, безсиленъ и хилъ;
Я увелъ его въ дальнее поле... Съ небесъ
Мѣсяцъ холодно—ясенъ свѣтилъ...
Здѣсь умретъ онъ, и деньги его я возьму—
Такъ въ душѣ про себя я рѣшилъ.

Два удара дубиной, одинъ за другимъ,
Третій камнемъ тяжелымъ, затѣмъ
Я широкимъ ножемъ грудь пронзилъ старику—
И покончилъ съ нимъ дѣло совсѣмъ.
И я видѣлъ у ногъ моихъ трупъ его легъ
Бездыханенъ, недвиженъ и нѣмъ!

Неподвижный, нѣмой и безжизненный трупъ,
Онъ вреда мнѣ ужъ сдѣлать не могъ;
Но мнѣ страшенъ онъ былъ: такъ спокоенъ въ травѣ
У моихъ онъ раскинулся ногъ;
Онъ былъ мертвъ, былъ убитъ, но я видѣлъ: открытъ
Взоръ его, и печаленъ и строгъ!

Я стоялъ, и кругомъ, мнѣ казалось, огнемъ
Воздухъ жегъ и палилъ; средь огня
Милліоны сверкали ужасныхъ очей
И глядѣли они на меня...
Трупъ я за руку взялъ и по имени звалъ
Мертвеца, къ нему ликъ наклоня.

Но напрасно я звалъ: онъ недвижно лежалъ,
И уста его смерть заперла!
И когда я взялъ за руку трупъ, изъ него
Кровь широкой струей потекла,
И, казалось, по каплѣ въ мой мозгъ пролилась
И какъ будто огнемъ его жгла!

И застыло въ груди моей сердце, какъ ледъ,
И на душу мнѣ ужасъ налегъ:
Мнѣ казалось, ее сжавши въ адскихъ когтяхъ,
Дьяволъ въ бездну проклятую влекъ;
И я долго стоналъ, а старикъ предъ концомъ
Простонать только два раза могъ!

И тогда съ отуманенныхъ грустно небесъ,
Съ высоты ихъ, задернутой мглой,
Голосъ мстящаго кровью за братнюю кровь,
Страшный голосъ услышанъ былъ мной:
«Ты—убiйца! возьми своего мертвеца
И отъ взоровъ Моихъ его скрой!»

И я тѣло повлекъ, чтобы бросить въ потокъ;
Былъ онъ ясной луной озаренъ,
Но зiяла темна въ немъ, какъ ночь, глубина,
И заросъ грязной тиною онъ.
Не забудь, мой ребенокъ,—прошу я тебя,—
Что вѣдь это все сонъ, только сонъ!

Трупъ я въ воду спустилъ, и онъ глухо нырнулъ
И сокрылся подъ черной водой;

Я омылъ съ своихъ рукъ крови слѣдъ, и чело
Освѣжилъ я холодной струей;
И сидѣлъ въ тотъ же вечеръ я въ школѣ, и былъ
Окруженъ я младенцевъ семьей.

Боже!—думалъ я,—души такъ чисты у нихъ,
Какъ черна и преступна моя!
И не могъ раздѣлять я ихъ дѣтскихъ молитвъ,
Гимнъ вечерній не пѣлъ съ ними я;
И какъ дьяволъ между херувимовъ святыхъ,
Я стоялъ, грѣхъ убійства тая!

И младенческимъ сномъ беззаботно потомъ
Всѣ заснули они; но со мной
Преступленье, мой гнусный товарищъ, пошло,
Чтобъ меня проводить на покой,
И задернуло пологъ постели моей,
Обагренною кровью рукой.

Въ агоніи ужасной всю ночь пролежалъ
Я, тоскою тяжелой объятъ,
Не сомкнулъ ни на часъ я пылающихъ глазъ,
Устремляя недвижно свой взглядъ:
Непроглядною тьмой не могла предо мной
Ночь закрыть ужасающій адъ!

Въ агоніи ужасной всю ночь пролежалъ
Я отъ боя до боя часовъ;
Сердце рвалось отъ мукъ: этотъ медленный звукъ
Говорилъ мнѣ о смерти безъ словъ.

И, какъ въ саванъ, меня обвивала вокругъ
Ночь, въ свой темный, въ свой мрачный покровъ!

И вставала въ моей головѣ мысль одна,
Всѣ другія смѣняя собой,—
Съ каждымъ новымъ мгновеньемъ владѣла она
Все сильнѣй и сильнѣе душой:
Мнѣ хотѣлось опять увидать, увидать
Человѣка, убитаго мной.

Лишь пришелъ утра часъ, лишь заря занялась,
Всталъ я тяжко съ постели своей,
Вышелъ въ поле и тамъ дикимъ взоромъ искалъ
И нашелъ я проклятый ручей:
Половина воды въ немъ изсякла, и трупъ
Въ грязной тинѣ виднѣлся подъ ней!

Не видалъ я, какъ жаворонокъ въ полѣ взвился,
Росу свѣявши съ крыльевъ своихъ,
Не видалъ, какъ исчезъ онъ въ лазури небесъ,
Не слыхалъ его пѣсенъ живыхъ:
Я надъ трупомъ опять наклонился, опять
Я коснулся до рукъ ледяныхъ.

Тяжело задыхаясь, я поднялъ его
И, какъ воръ, побѣжалъ съ мертвецомъ;
Я былъ долженъ спѣшить трупъ въ могилу за-
рыть:
Утро яснымъ смѣнялося днемъ;
Я въ лѣсу его скрылъ въ кучѣ листьевъ сухихъ
Подъ нависшимъ деревьевъ шатромъ.

День тотъ въ школѣ провелъ я, съ дѣтьми, я
читалъ;
Но я думой былъ въ мѣстѣ иномъ;
И лишь кончить я могъ свой полдневный урокъ,
Въ лѣсъ пришелъ я: развѣялъ кругомъ
Вѣтеръ листья сухіе—и онъ предо мной
Обнаженнымъ лежалъ мертвецомъ!

И руками лицо я закрылъ и приникъ
Съ горькимъ плачемъ къ землѣ головой:
Грѣхъ проклятый убійства не скрыть мнѣ, не
скрыть,
Онъ отвергнутъ сырою землей!
Гдѣ бъ я ни былъ: на сушѣ, на морѣ—пойдетъ
Моя тайна повсюду за мной!

Такъ судилъ Тотъ, кто праведной местью за кровь
Пролитую преступнику мститъ:
Пусть въ землѣ погребенъ мной убитый, пусть онъ
Подъ землею глубоко зарытъ.
Пусть онъ сгнилъ—но когда нибудь будетъ людьми
Костяной его остовъ открытъ!..

О, мой Боже: ужасный, ужасный то сонъ,
Онъ на вѣки унесъ мой покой:
Мнѣ мерещится каждую ночь, что я кровь
Проливаю преступной рукой,
И луною облитъ, съ тусклымъ взоромъ лежитъ
Неподвижный старикъ предо мной!

«Гдѣ бъ я ни былъ, со мною вездѣ эта мысль,
Отъ нея не сокрыться мнѣ!.. Вотъ
И теперь, и теперь предо мною мертвецъ
Изъ могилы кровавой встаетъ!»...
Мальчикъ въ страхѣ глядѣлъ на учителя: онъ
Блѣденъ былъ и лился съ него потъ.

На другую же ночь, въ часъ, когда тихій сонъ
Прикоснулся ребенку къ очамъ,
Изъ воротъ городскихъ двое мрачныхъ людей
Въ даль прошли и сокрылися тамъ;
И, гремя кандалами въ ночной тишинѣ,
Шелъ межъ ними Евгеній Арамъ!

В. Буренинъ.

Пѣсня работника.

Дайте заступъ, иль ломъ, или косу съ серпомъ,
Дайте грабли, иль цѣпъ—что найдете!
Вотъ вамъ руки, привыкшія ладить съ трудомъ,
Руки сильныя въ каждой работѣ!

Наколоть надо-ль дровъ, рыть канаву иль ровъ,
Иль устроить плетень вокругъ сада,
Иль, скосивши луга, сѣно вытресть въ стога,
Хлѣбъ ли въ скирды поставить вамъ надо,
Иль надъ нивой сухой поработать съ сохой
Съ утра ранняго до ночи—живо,—

Все я сдѣлать готовъ и, не бойтесь, съ собой
Не ношу я въ карманѣ огнива.

Сдѣлать въ фермѣ пожаръ, ригу сжечь иль амбаръ
Не желалъ никогда, никогда я!
Одного лишь огня я ищу: чтобъ меня
И семью мою грѣлъ онъ, пылая
Тамъ, гдѣ въ зимніе дни жмутся, дрогнутъ они,
Мои дѣти, голодныя дѣти,
Чтобъ увидѣть я могъ, какъ на блѣдность ихъ щекъ
Ляжетъ яркій румянецъ при свѣтѣ.

Кто шлетъ дождь на поля, или зноемъ паля,
Изсушаетъ цвѣтущія нивы,
Губитъ хлѣбъ саранчей и стрѣлы огневой
Устремляетъ по небу извивы,
Пусть во гнѣвѣ святомъ свой карающій громъ
Онъ на житницу скряги направитъ
И, все небо обливши кровавымъ огнемъ,
Предъ людьми мщенье правое явитъ!

Дайте заступъ иль ломъ, или косу съ серпомъ,
Дайте грабли, иль цѣпъ—что найдете!
Дайте рожь молотить, иль заборъ городить—
Я ко всякой способенъ работѣ!
Дайте хлѣба кусокъ, что бъ стрѣлять я не могъ
Вашу дичь на запретной охотѣ!

Я прошу объ одномъ: дайте жить мнѣ трудомъ,
И вамъ нечего будетъ бояться,

Что я стану ловить зайцевъ лорда силкомъ,
Иль за графскимъ оленемъ гоняться,
Что вломлюсь я, какъ воръ, къ графу въ домъ и приборъ
Золотой унесу, что я лягу
Въ ровъ стеречь, какъ пойдетъ графскій егерь чрезъ боръ,
И убью, и ограблю бѣднягу.

Всякій трудъ взять я радъ; все, что сдѣлать велятъ,
Стану дѣлать! Работы истома
Не страшна для меня—нѣтъ мнѣ душу страшатъ
Только стѣны рабочаго дома!
Тамъ законъ такъ суровъ: онъ коритъ бѣдняковъ,
За семью, за дѣтей осуждая,
И изъ женъ нашихъ бѣдныхъ онъ дѣлаетъ вдовъ,
Ихъ съ мужьями тюрьмой разлучая!

Я хочу одного—отъ труда своего
Какъ-нибудь прокормиться хочу я:
Былъ-бы хлѣба кусокъ, да хоть пива глотокъ,
Былъ-бы кровъ, гдѣ укрыться, ночуя!
Но за трудъ мою часть пусть дастъ мнѣ лишь власть
И не надо людей состраданья:
Работящей рукой, я, какъ жалкій больной,
Не хочу принимать подаянья,

Бѣднякамъ раздаетъ хлѣбъ и деньги приходъ:
Мнѣ не надо ихъ—развѣ я нищій?
Я сынъ этой земли, я тружусь на ней—вотъ
Я за что себѣ требую пищи!

Разсудите: на что-жъ мнѣ вымаливать грошъ,
Коль я руки и ноги имѣю!
Я здоровьемъ дышу, я работы прошу,
Христарадничать я не умѣю!

Вѣдь я также потомокъ Адама, какъ вы,
Хоть взрощенъ я несчастьемъ суровымъ.
Скудно ѣмъ и, увы, приклонить головы
Не могу, какъ бродяга, подъ кровомъ.
Пусть работою честной мной будетъ добытъ
Черствый хлѣбъ,—пропитаюсь я все-жъ имъ,
Пусть хоть кости оглодокъ,—да буду я сытъ
Не людскимъ милосердьемъ, а Божьимъ!

Дайте заступъ иль ломъ, или косу съ серпомъ,
Дайте грабли иль цѣпъ—что найдете!
Вотъ вамъ руки, привыкшія ладить съ трудомъ,
Руки сильныя въ каждой работѣ!
Крѣпокъ я и здоровъ, я на дѣло готовъ:
На лугу-ли, на пашнѣ, иль въ хатѣ—
Всякій трудъ я возьму, и проклятье тому,
Кто моей позавидуетъ платѣ!

Да, проклятье тому, кто, сводя свой разсчетъ,
У рабочаго грошъ жилитъ мѣдный
И его же въ церковную кружку кладетъ,
Ради помощи братіи бѣдной!
Та копѣйка, которой бѣднякъ обочтенъ,
Къ бѣдняку не минуетъ дороги,
Какъ нуждой изведенъ, въ лазаретъ ляжетъ онъ,
Или будетъ томиться въ острогѣ!

В. Буренинъ.

Ода

МОЕМУ МАЛЕНЬКОМУ СЫНУ.

О, мой плутишка дорогой!
Дай поцѣлуемъ снять твою слезинку.
Ты весь въ меня; ты мой портретъ живой!
(Смотри: онъ въ глазъ воткнетъ себѣ лучинку!)

Забавникъ мой! мнѣ сердце веселитъ
Всегда смѣющійся твой видъ.
Ничто тебя, малютка, не заботитъ!
(Ахъ, Господи! булавку онъ проглотитъ!)

На мѣстѣ онъ на мигъ не посидитъ,
Какъ птичка Божія, порхаетъ,
Кружится, рѣзвится, играетъ...
(Заприте дверь: онъ съ лѣстницы слетитъ!)

Ты для меня блаженство и отрада!
(Прочь отъ огня! рубашку онъ сожжетъ!)

Въ тебѣ цвѣтетъ трудовъ моихъ награда!
(Смотри, смотри: вотъ онъ ружье беретъ!)

Ты наша радость, птенчикъ милый!
(Ну, вотъ и пролилъ онъ чернила!)

Мой херувимчикъ! какъ ты милъ!
Титанія плѣнилась-бы тобою...
(Ай, Ай! онъ хвостъ Діанкѣ прищемилъ!)

Когда въ лѣсу, ночной порою,
Вокругъ нея танцуетъ эльфовъ рой.
Ты образъ чистоты земной!
Тебѣ вездѣ—отрада, радость, нѣга!...
(Ну, вотъ, онъ шлепнулся съ разбѣга
И прямо на носъ... Боже мой!)

Ты наша гордость, утѣшенье!
(Чуть зеркало онъ палкой не разбилъ!)

Ты нашей жизни украшенье!
(Зачѣмъ онъ такъ глаза скосилъ?)

Ты младшій членъ семьи моей...
Ну, можно-ль не любить такого душку?
(Еще толчокъ—и разобьетъ онъ кружку!)

Мое дитя! въ невинности своей
Ты долженъ жизнью наслаждаться!
(Вотъ хочетъ онъ на столъ взобраться!)

Ты чище, ты счастливѣй насъ!
Завидую твоей я долѣ!
(Вотъ схватитъ ножикъ онъ какъ разъ!)

Играй себѣ, дружочекъ мой, на волѣ!
Скачи на палочкѣ верхомъ!
(Ахъ, онъ объѣстся пирогомъ!)

Пока тебя природа нѣжитъ,
Годами дѣтства насладись!
(Смотри, смотри: тебѣ онъ платье рѣжетъ!)

Мой милый розанчикъ! рѣзвись,
Пока заботъ и горя чаша—
(Утри-ка носъ ему, мамаша!)

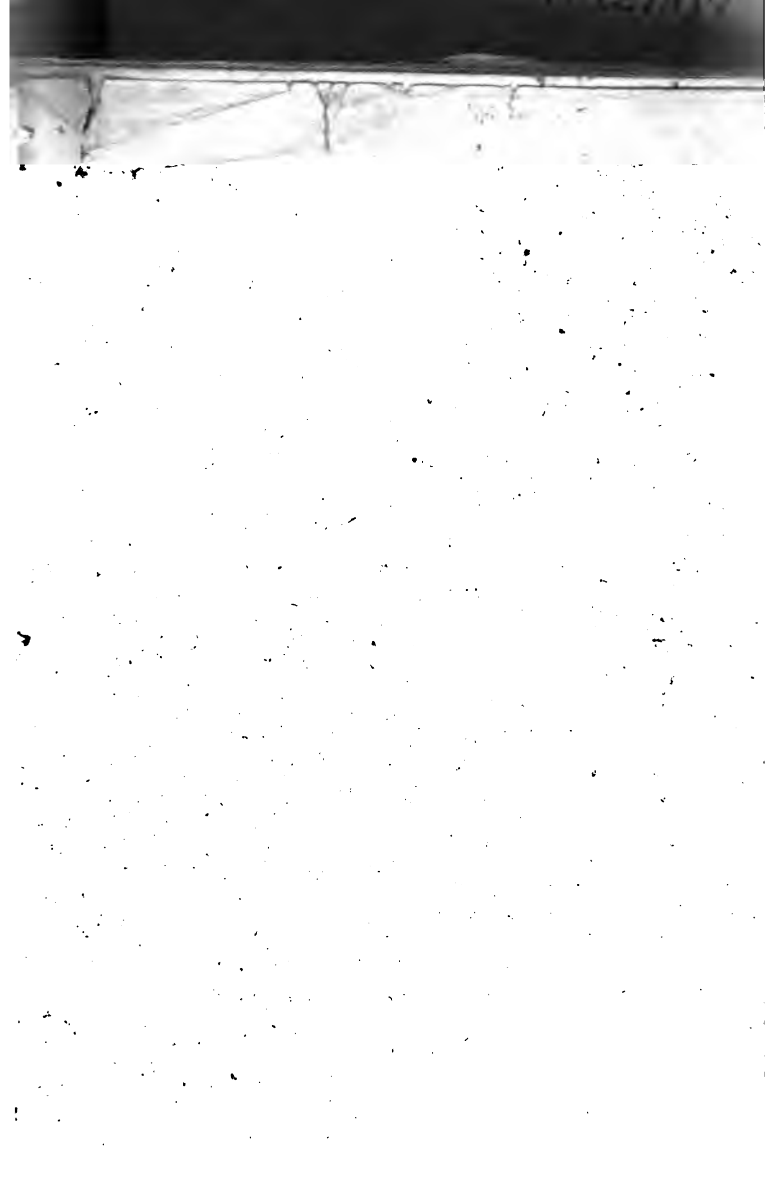
Какими наша жизнь полна,
До устъ твоихъ невинныхъ не касалась!
Покуда жизнь тебѣ лишь улыбалась.
(Не выпалъ-бы онъ только изъ окна!)

Онъ смѣлъ, какъ соколъ, свѣжъ, какъ утро мая,
Неутомимъ, какъ рыбка молодая...
(Но все-таки, послушай-ка, жена,—

Нельзя-ли съ нимъ куда-нибудь убраться:
Онъ не даетъ мнѣ дѣломъ заниматься!)

Ѳ. Миллеръ.

Поступили въ продажу:

Родные поэты.

Ив. Козловъ . . . 10 к. Д. Веневитиновъ. 10 к.
Денисъ Давыдовъ. 10 „ Тарасъ Шевченко. 10 „

Французскіе поэты.

Андрей Шенье . . 10 к. Викторъ Гюго. . . 10 к.
Альф. де Ламартинъ 10 „ Альфр. де Мюссе. 10 „
Альфр. де Виньи. . 10 „

Нѣмецкіе поэты.

Фридр. Шиллеръ. 10 к. Ст. Шиллера 2-й в. 10 к.
Іоганнъ Гете . . . 10 „ Генрихъ Гейне. . 10 „
Людвигъ Уландъ. 10 „ Фер. Фрейлигратъ. 10 „

Англійскіе поэты.

Альфр. Теннисонъ. 10 к. Генри Лонгфелло. 10 к.
Робертъ Борнсъ. 10 „ Вальтеръ Скоттъ. 10 „
Георгъ Краббъ. . 10 „ Томасъ Муръ. . . 10 „
Томасъ Гудъ. . . 10 „ Робертъ Соути. . 10 „

Польскіе поэты.

Адамъ Мицкевичъ. 10 к. Конрадъ Валленродъ
Л. Кондратовичъ поэма А. Мицкевича. 15 к.
(Сырокомля). . . . 10 „

Датскіе поэты.

Гансъ-Христіанъ Андерсенъ. 10 к.

Складъ изданія:

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ пассажѣ Джамгаровыхъ, въ книжномъ магазинѣ Общества распростр. полезн. книгъ.

Тип. О-ва распростр. полезн. книгъ, аренд. В. КУДИНОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

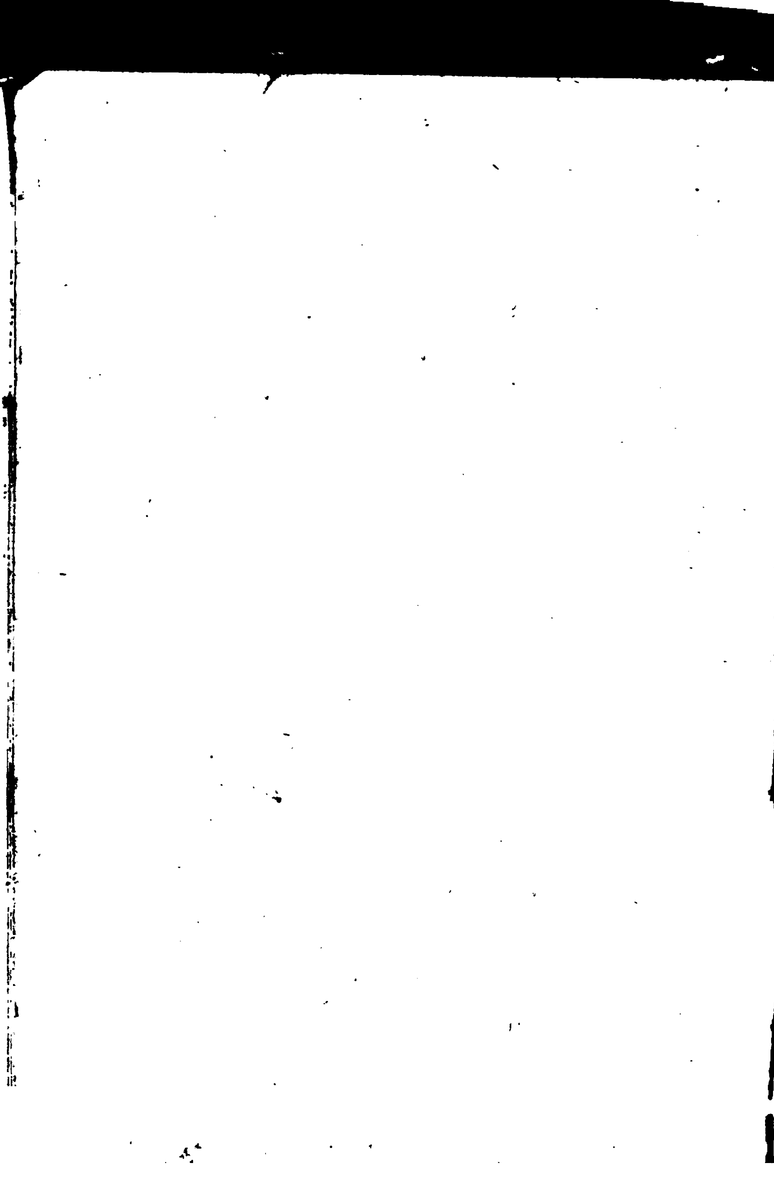
ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ

ВИКТОРЪ ГЮГО

ЕГО ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

МОСКВА, 1901.

Цѣна десять копѣекъ.

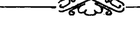

Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Викторъ Гюго

(1802—1885)

его жизнь и произведенія.

Живъ только тотъ, кто борется; кто смѣло,
Святую цѣль поставивъ предъ собой,
Стремится къ ней и мыслью, и душой;
Чей строгій взоръ всегда открытъ на дѣло;
Кто, полнъ любви и не страшась трудовъ,
Взбирается упрямо на вершину
И съ высоты, подобенъ исполину,
Глядитъ на міръ, задумчивъ и суровъ!...

МОСКВА,

Типографія Общ. распростран. полезн. книгъ, аренд. В. Кудиновымъ.
Моховая, прот. манежа, д. кн. Гагарина.

1901.

Цѣна десять копѣекъ.

Дозволено цензурою. Москва, 4 Іюля 1901 года.

Викторъ Гюго.

Величайшій французскій поэтъ XIX столѣтія, Викторъ Гюго, родился въ Безансонѣ 26 февраля 1802 года. Его отецъ, Леопольдъ Гюго, былъ по происхожденію лотарингецъ; участвуя на войнѣ въ Вандеѣ, онъ отличился въ 1795 году и былъ произведенъ въ генералы. Мать поэта была дочерью богатаго нантскаго кораблестроителя, семья котораго отличалась строгою приверженностью къ католицизму. Первые годы своей жизни Викторъ провелъ на островѣ Эльбѣ. Въ 1805 году Леопольдъ Гюго уѣхалъ въ Неаполь, а свою семью поселилъ въ Парижѣ. Здѣсь мальчикъ сталъ посѣщать школу въ улицѣ Монбланѣ. Въ это время его отецъ получилъ мѣсто губернатора въ Авеллино и поспѣшилъ вызвать къ себѣ жену и дѣтей. Но, едва они успѣли пріѣхать, какъ генералъ Гюго долженъ былъ отправиться въ Испанію. Семья его снова вернулась въ Парижъ.

Г-жа Гюго была образцовою матерью и горячо любила своихъ дѣтей, которые платили ей тѣмъ-же. Уже съ маленькихъ лѣтъ дѣти умѣли отличать то, что можно, отъ того, чего нельзя. Матери они повиновались безпрекословно. Вотъ примѣръ такого повиновенія.

Рядомъ съ домомъ, занятымъ г-жею Гюго, находился большой фруктовый садъ. Жильцамъ было запрещено рвать фрукты.

— Развѣ нельзя, мама,—спросилъ, однажды, маленькій Викторъ,—взять тѣ фрукты, которыя падаютъ на землю?

— Нѣтъ.

— Но, вѣдь, они сгніютъ.

— Пусть гніютъ, но брать ихъ нельзя.

И дѣти не трогали плодовъ.

Трое старшихъ мальчиковъ усердно учились. Викторъ не отставалъ отъ нихъ, обнаруживая большіе успѣхи: въ полгода онъ уже писалъ подъ диктовку безъ ошибокъ. Генералъ Гюго былъ назначенъ губернаторомъ Мадрида и семья его поселилась въ Испаніи. Но въ 1812 году французы должны были по-

кинуть Испанію: Гюго опять вернулись въ Парижъ, гдѣ наняли квартиру въ улицѣ Шертъ-Миди, рядомъ съ военнымъ судомъ. Въ судѣ служилъ Фуше, старый знакомый генерала Гюго. Здѣсь Викторъ познакомился съ Аделью Фуше, своею будущею женою.

Викторъ началъ писать стихи съ тринадцати лѣтъ. Четырнадцати лѣтъ онъ уже написалъ классическую трагедію «**Irtaméne**» и два лирическихъ стихотворенія «**Le Riche et le Pauvre**» и «**La Canadienne.**» Въ учебномъ заведеніи Кордье и Декоттъ, куда были помѣщены братья Гюго, воспитанники старшихъ классовъ разыгрывали пьесы. Викторъ исполнялъ главныя роли въ своихъ произведеніяхъ. Однажды, между воспитанниками произошла серьезная драка, во время которой Викторъ получилъ такой сильный ударъ камнемъ въ ногу, что врачи рѣшили ее ампутировать. Къ счастью, дѣло обошлось безъ операціи: мальчикъ пролежалъ нѣсколько дней въ постели, а затѣмъ всталъ совершенно здоровый.

Въ 1817 году Викторъ написалъ сочиненіе на премію академіи: «О преимуществахъ

изученія.» Къ сочиненію онъ приложилъ записку, въ которой заявилъ, что автору пятнадцать лѣтъ. Академія сочла это за насмѣшку и наградила молодого автора вмѣсто преміи—почетнымъ отзывомъ. Въ доказательство своего возраста Викторъ представилъ метрическое свидѣтельство о своемъ рожденіи, но академія не приняла этого во вниманіе.

Между 1819 и 1822 годами Гюго представилъ тулузской академіи три стихотворенія и за каждое изъ нихъ получилъ премію. Эти оды обратили на него вниманіе. Въ 1822 году онъ издалъ первый томъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Оды и баллады.» Въ это время молодому поэту пришлось испытать большое горе: его мать скончалась.

Генералъ Гюго не одобрялъ литературнаго призванія сына и съ цѣлью заставить его избрать другую профессію лишилъ денежной поддержки. Но Викторъ продолжалъ писать стихи.

Жилось ему въ то время очень плохо; впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ, что приходилось три дня обѣдать одной котлетой. Его годовой заработокъ ровнялся только 700 фран-

камъ; эта сумма была недостаточна для одного человѣка, а Викторъ уже былъ женихомъ Адели Фуше.

Совершенно неожиданно «Оды и баллады» принесли поэту 2000 франковъ въ годъ, пожалованные ему королемъ Людовикомъ XVIII по слѣдующему поводу.

Письмо, въ которомъ Викторъ предлагалъ у себя убижище одному изъ враговъ правительства, было представлено Людовику. Король прочелъ его и сказалъ:

— У этого молодого человѣка доброе сердце и большой талантъ. Я ему даю первую вакантную пенсію.

Съ полученіемъ этой пенсіи всѣ препятствія для женитьбы были устранены, и Викторъ женился на Адели Фуше.

Вскорѣ послѣ женитьбы Викторъ Гюго написалъ свой первый романъ «Ганъ Исландскій,» принятый критикою очень враждебно, такъ какъ это былъ первый шагъ по пути романтизма и критики не могли не предвидѣть наступающаго переворота въ направленіи писателей.

Издатели стали обращаться къ Гюго съ заказами. Онъ напечаталъ въ журналѣ «Литературный Консерваторъ» разсказъ «Бюгъ Жаргаль,» въ которомъ выступилъ защитникомъ угнетенныхъ негровъ. Въ 1827 году онъ перешелъ въ лагерь романтиковъ, написалъ драму «Кромвель.» Въ предисловіи къ этой драмѣ, названномъ «Романтическимъ Манифестомъ,» онъ изложилъ новую эстетическую теорію. Слѣдующее произведеніе, «Послѣдніе дни осужденнаго,» обнаружили въ Викторѣ Гюго поразительную силу психическаго анализа.

Драма Гюго «Маріонъ Делормъ,» это замѣчательное произведеніе, написанное въ двадцать четыре дня, была запрещена цензурой. Онъ самъ отправился къ Карлу X, который приказалъ еще разъ прочесть пьесу, но, не смотря на это, ея постановка не была разрѣшена. Чтобы утѣшить поэта, король пожаловалъ Виктору Гюго пенсію въ 4000 франковъ. Послѣдній отказался отъ пенсіи и приступилъ къ новой пьесѣ,—«Эрнани.» Эта драма была впервые поставлена въ Парижѣ

28 февраля 1830 года. Во время представленія произошло настоящее сраженіе между классиками, желавшими освистать драму, и романтиками, съ восторгомъ принимавшими ее. Классическая трагедія была окончательно побѣждена, и «Эрнани» въ теченіе 10 лѣтъ оставался въ репертуарѣ. Вмѣстѣ съ революціей 1830 года Викторъ Гюго перешелъ на сторону либеральной партіи. «Маріонъ Делормъ» была поставлена съ блестящимъ успѣхомъ. Но новая драма «Король забавляется,» данная 22 ноября 1832 года, была запрещена на другой день послѣ представленія: Виктора Гюго обвиняли въ томъ, что онъ искажаетъ исторію и представляетъ короля Франциска I въ слишкомъ непривлекательномъ видѣ.

Популярность Гюго заставила, наконецъ, Академію принять его въ число своихъ сорока безсмертныхъ. Онъ былъ торжественно принятъ 3 февраля 1841 года и занялъ кресло, нѣкогда принадлежавшее Вольтеру. Новый академикъ произнесъ нѣсколько рѣчей. Такъ, онъ сказалъ посмертную похвалу Ка-

зиміру Делавиню и отвѣчалъ критику С.-Беву, также вступившему въ число «безсмертныхъ.» Онъ много работалъ, прочитывая всѣ книги, присылаемыя въ конкурсы. 13 апрѣля 1843 года король Луи Филиппъ сдѣлалъ поэта пэромъ Франціи. Викторъ Гюго, сблизившись съ королемъ, указывалъ послѣднему на необходимость заняться крестьянскимъ и рабочимъ сословіями и настаивалъ на борьбѣ съ развращенностью богатыхъ классовъ общества. Послѣ государственнаго переворота 2 декабря поэтъ былъ изгнанъ изъ Франціи и поселился со своею семьею на островѣ Джерсеѣ, который онъ долженъ былъ покинуть въ 1855 году со всѣми французскими изгнанниками. Въ первые дни своего изгнанія онъ написалъ «Воззваніе къ оружію.» Въ 1853 году онъ издалъ новый сборникъ стихотвореній. Въ 1862 году появился его романъ «Обездоленные.» Романъ былъ изданъ одновременно въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лейпцигѣ, Лондонѣ, Миланѣ, Мадридѣ, Роттердамѣ, Варшавѣ, Пештѣ и Ріо-Жанейро. Вотъ до какихъ размѣровъ достигла слава поэта!

Такой успѣхъ романа объясняется тѣмъ, что въ «Обездоленныхъ» вложена разумная и горячая любовь къ народу, глубокое знаніе и безпредѣльная доброта. Какъ и всѣ важнѣйшія произведенія Виктора Гюго, этотъ романъ возбудилъ продолжительную и страстную полемику.

Издатели, Лакруа и Вербокгофенъ, устроили въ Брюсселѣ торжественный банкетъ въ честь Гюго. Въ концѣ банкета французскіе литераторы произнесли нѣсколько сочувственныхъ рѣчей.

Глубоко растроганный Гюго отвѣтилъ имъ слѣдующее:

— Одиннадцать лѣтъ тому назадъ вы видѣли отъѣздъ изъ Франціи человѣка почти молодого,—теперь вы видите старика. Цвѣтъ его волосъ измѣнился, но сердце—нѣтъ. Благодарю васъ за то, что вы здѣсь: я глубоко растроганъ этимъ. Мнѣ кажется, что среди васъ я дышу роднымъ воздухомъ. Мнѣ кажется, что каждый изъ васъ принесъ мнѣ съ собой частичку Франціи. Мнѣ кажется, что изо всѣхъ вашихъ душъ изливается нѣчто

прекрасное, величественное и лучезарное, и что это улыбка родины...

Викторъ Гюго горячо возставалъ противъ смертной казни, къ которой относился съ ужасомъ и отвращеніемъ. Эта борьба за право человѣка на жизнь не была безплодной: благодаря его письму, въ 1862 г. смертная казнь была отмѣнена въ Женевскомъ кантонѣ; то-же произошло и въ Португаліи въ 1867 г.

Въ 1865 году въ печати появились «Уличныя и лѣсныя пѣсни,» а въ слѣдующемъ году «Работники моря.»

Цѣль послѣдней книги Гюго объяснилъ такъ:

— Я хотѣлъ прославить трудъ, сильную волю и преданность,—все, что дѣлаетъ человѣка великимъ.

Черезъ три года послѣ «Тружениковъ моря» явился романъ «Человѣкъ, который смѣется». Этотъ романъ имѣлъ громадный успѣхъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

Въ 1867 году, во время всемірной выставки въ Парижѣ, на сценѣ парижскихъ

театровъ были поставлены драмы «Эрнани» и «Рюи-Бласъ.» Наполеонъ III разрѣшилъ представленіе нѣсколькихъ другихъ драмъ Гюго. Успѣхъ ихъ былъ грандіозенъ.

Въ 1870 году Гюго вернулся во Францію. Тяжело было изгнаннику видѣть отступавшую французскую армію, умирающихъ отъ утомленія и голода солдатъ, которые протягивали руку съ мольбой о кускѣ хлѣба. Гюго не могъ вынести этого грустнаго зрѣлища и горько заплакалъ. Онъ скупилъ весь хлѣбъ и безплатно раздалъ его солдатамъ.

Когда нѣмецкая армія подступила къ Парижу, Викторъ Гюго написалъ по-французски и по-нѣмецки воззваніе къ пруссакамъ, уговаривая прекратить войну и напоминая, что между этими народами не существовало вражды. Но пруссаки не вняли его словамъ. Тогда Гюго написалъ горячее воззваніе къ французамъ, призывая ихъ на защиту отечества.

Изданіе книги «Кара» доставило поэту 500 франковъ гонорара и эти деньги онъ тотчасъ пожертвовалъ въ фондъ, собранный по под-

пискѣ на покупку пушекъ, одна изъ которыхъ получила названіе, «пушка Викторъ Гюго.» Всѣ произведенія поэта сдѣлались во время осады народнымъ достояніемъ: весь гонораръ уходилъ на улучшеніе положенія голодныхъ, раненыхъ, больныхъ и на вооруженіе войскъ.

Послѣдній романъ Виктора Гюго, «Девяносто третій годъ,» появился въ 1874 году. Въ 1877 году вышли «Легенды вѣковъ,» рядъ эпопей и идиллій.

Викторъ Гюго продолжалъ работать до глубокой старости. Избранный въ 1877 году въ сенаторы, онъ не измѣнилъ себѣ: говорилъ противъ войнъ, старался облегчить положеніе рабочаго сословія.

27 февраля 1881 года во Франціи торжественно праздновали восьмидесятилѣтіе со дня рожденія поэта. Въ этотъ день Гюго отъ имени правительства была поднесена драгоцѣнная ваза изъ севрскаго фарфора. При этомъ президентъ совѣта министровъ, Жюль Ферри, обратился къ маститому поэту со слѣдующими словами:

—Какъ министръ народнаго просвѣщенія, я тоже подумалъ о томъ, что могло вамъ быть всего пріятнѣе. Вы всю вашу жизнь были апостоломъ милосердія—я пожелалъ быть во имя васъ милосердымъ и распорядился, чтобы на-сегодня были отмѣнены всѣ наказанія въ лицеяхъ, коллегіяхъ и школахъ Франціи.»

Викторъ Гюго умеръ въ Парижѣ 22 мая 1885 г.

Въ своемъ завѣщаніи Гюго просилъ, чтобы его похоронили въ простомъ сосновомъ гробу такъ, какъ хоронятъ бѣдняковъ. Изъ своего пятимилліоннаго состоянія онъ оставилъ полтора милліона бѣднымъ и одинъ милліонъ завѣщалъ на устройство пріюта для нищихъ дѣтей. Въ день похоронъ всѣ зданія Парижа были украшены траурными флагами.

Такъ Франція похоронила своего великаго поэта и своего великаго гражданина, проповѣдовавшаго всю свою жизнь любовь къ ближнему.

Пэръ Франціи и пожизненный сенаторъ, Викторъ Гюго достигъ этого высокаго об-

щественнаго положенія благодаря своей славѣ и значенію, какъ писатель и поэтъ. Въ литературѣ онъ является представителемъ и родоначальникомъ романтизма и смѣлымъ реформаторомъ. Его поэзія охватываетъ съ поразительнымъ величіемъ, съ чрезвычайной глубиной всѣ великіе вопросы міра и жизни. Онъ — единственный полный представитель XIX столѣтія съ его надеждами, идеалами и страданіями.

Моисей на Нилѣ.

Подруги милыя, прозрачная волна
Прохладнѣе въ часы, когда въ объятьяхъ сна
Покоится Мемфисъ и тихій берегъ Нила.
Забавы дѣвичьи на лонѣ свѣтлыхъ водъ
Увидитъ лишь заря румяная съ высотъ —
Предвѣстница полдневнаго свѣтила;

Палаты царскія блистаютъ серебромъ,
Но эти берега съ цвѣточнымъ ихъ ковромъ —
Прекраснѣй, чѣмъ бассейнъ изъ цѣннаго пор-
фира.
Напѣвы птицъ лѣсныхъ отраднѣе звучатъ,
Чѣмъ рокотанье струнъ; куреній ароматъ
Не такъ пріятенъ мнѣ, какъ вѣянье зефира.

Спѣшите! Синевой блистаютъ небеса.
Одежды легкія, цвѣтные пояса —
Оставьте у камней и на прибрежныхъ ивахъ.
Снимаю мой вѣнецъ: сегодня межъ собой
Рѣзвиться будемъ мы веселою гурьбой
Въ объятьяхъ волнъ, безпечно говорливыхъ.

Скорѣе, поспѣшимъ! Но что-то вдалекѣ,
Среди туманной мглы, я вижу на рѣкѣ?

Не бойтесь, милыя! Вѣдь, это, безъ сомнѣнья,
Не болѣе, какъ стволъ отъ пальмы вѣковой,
Которую сюда изъ стороны родной,
Къ подножью пирамидъ, приноситъ намъ теченье.

Иль, можетъ быть, челнокъ Изиды предо мной?
Не Гермесъ-ли спѣшитъ изъ стороны иной?
Но нѣтъ! На синевѣ рѣки необозримой.
Я вижу, колыбель качаяся плыветъ,
Гдѣ мирно спитъ дитя на лонѣ свѣтлыхъ водъ,
Какъ на груди у матери любимой..

Дитя, не вѣдая несчастья своего,
Заснуло... Колыбель пловучая его
Не кажется-ль гнѣздомъ голубки бѣлокрылой?
Его баюкаетъ лазурная волна,
Но эта свѣтлая рѣчная глубина
Не будетъ-ли ему и раннею могилой!

Онъ пробуждается, онъ плачетъ!.. Этотъ крикъ,
О, сестры милыя, онъ въ душу мнѣ проникъ.
Какая мать могла волнамъ довѣрить сына?
Кругомъ шумитъ вода съ журчаніемъ глухимъ..
Увы, преградою межъ бездною и имъ—
Лишь эта жалкая изъ тростниковъ корзина!..

Не изъ числа-ли онъ Израиля дѣтей,
Которыхъ мой отецъ въ немилости своей
Преслѣдуетъ теперь безжалостнымъ гоненьемъ?

Ему родную мать я замѣню вполнѣ,
Пускай хоть жизнью онъ обязанъ будетъ мнѣ,
Когда не мнѣ обязанъ онъ рожденьемъ!—

Великодушною рѣшимостью горя,
Такъ молвила Ифисъ, дочь грознаго царя.
И, слѣдуя ея отважному примѣру,
Вступили дѣвушки въ прозрачныя струи,
Гдѣ фараона дочь, покровы снявъ свои,
Пѣннорожденную напомнила Венеру,

Вокругъ нея шумитъ и плещется волна.
Но, состраданія глубокаго полна,
Къ ребенку, вся дрожа, спѣшитъ она съ тревогой...
Еще усиліе—и съ ношей дорогой,
Сіяя прелестью улыбки молодой,
Она идетъ обратною дорогой.

Она идетъ назадъ, густые тростники
Раздвинувъ трепетнымъ движеніемъ руки.
И радостно ее привѣтствуютъ подруги,
Склоняясь къ мальчику, спасенному изъ волнъ,
Чей взоръ младенческій, недоумѣнья полнъ,
Слѣдитъ за ихъ движеньями въ испугѣ.

О, мать-страдалица! И ты, невдалекѣ
Давно бродившая въ сомнѣньѣ и тоскѣ,—
Спѣши и радуйся спасенью Моисея.
Царевнѣ —дѣвѣ-ли неопытной понять
Все, что почувствуетъ, лаская сына, мать?
Иди и обними малютку, не робѣя.

Межъ тѣмъ, какъ дочь царя. сіяя торжествомъ,
Съ ребенкомъ на рукахъ вступала въ отчій домъ,
Гдѣ ждалъ ихъ фараонъ, надменный и суровый,—
Суля Израилю спасеніе и миръ,—
Въ лазурныхъ небесахъ пѣлъ херувимовъ клиръ
Передъ сіяющимъ престоломъ Іеговы:

«Не плачь, Израиля народъ,
У береговъ нечистыхъ Нила.
Страданьямъ близится исходъ:
Десница Божія хранила
Народъ избранный и ведетъ
Его чрезъ волны океана
Къ истокамъ чистымъ Іордана.

Настанетъ день, и племена
Пройдутъ пустынею безводной,
И имъ откроется свободно
Обѣтованная страна!
Къ чему напрасныя стенанья?
Для васъ кончается изгнанье,
Пришли иныя времена.

Дитя изъ волнъ спасаетъ дѣва,
И, ставши мужемъ, въ свой чередъ
Оно отъ вражескаго гнѣва
Избавитъ страждущій народъ
И приведетъ къ великой цѣли.
Его спасенье—въ колыбели,
И колыбель весь міръ спасетъ!»

О. Н. Чюмина (Михайлова)

Надѣйся на Бога.

Надѣйся на Бога, дитя дорогое,
На милость Его уповай!
И дѣтскаго сердца моленье простое
Съ надеждой къ нему возсылай!

Лишь въ утреннемъ небѣ заря загорится,
Смиренно колѣно склони...
Съ тобою, мой ангелъ, мы станемъ молиться
Источнику вѣчной любви

Молиться мы станемъ душой умиленной,
Чтобъ міръ Онъ крыломъ осѣнилъ
И чтобъ всемогущій Создатель вселенной
Насъ грѣшныхъ, ничтожныхъ простилъ.

Кн. Горчакова.

Восторгъ.

У моря, задумчивъ, одинъ я стоялъ;
На небѣ лишь звѣзды сверкали,
А тучки исчезли въ туманѣ сѣдомъ,
И парусы въ немъ исчезали.
И слышалось мнѣ, какъ й горы, и лѣсъ
Таинственно что-то шептали,
Какъ будто глубь моря и звѣзды небесъ
О чемъ то они вопрошали;

И въ сумракѣ почи свѣтилъ золотыхъ
Кругомъ раздавалося пѣнье,
И чудилось мнѣ, что въ вѣнцахъ огневыхъ
Тѣ звѣзды прошли, какъ видѣнье;
И синія волны, и пѣна морей
Одно повторяли лишь слово,
И слово то было: Онъ Царь изъ царей!
Онъ Богъ! Онъ Господь! Онъ Іегова!!!

Кн. Горчако а.

Экстазъ.

Разъ ночью, одинъ я стоялъ на просторѣ:
Ни облачка въ небѣ, ни паруса въ морѣ!
И взоръ мой тонулъ за предѣломъ земнымъ.
И горы, и лѣсъ—вся природа, казалось,
За мною, съ вопросомъ однимъ обращалась
Къ сіяющимъ звѣздамъ и къ волнамъ морскимъ.

И звѣздъ золотыхъ легіонъ безконечный
То тихо, то громко, въ гармоніи вѣчной,
Твердилъ, свой блестящій склоняя вѣнецъ,
И синія волны, грядой набѣгая,
Твердили, свой пѣнистый гребень склоняя:
Все Онъ—всемогущій Творецъ!

Иванъ да Марья.

Поэтъ.

Держа въ рукахъ святую лиру,
Проходитъ онъ, далекій міру
    И чуждый дальней суеты.
Вся жизнь его — лишь трудъ суровый,
Его чело вѣнокъ лавровый
    Собой вѣнчаетъ, не цвѣты.

Земная скорбь, земныя нужды
Душѣ возвышенной не чужды.
    Поэтъ лишь радостей лишенъ;
Безсмертною увѣнчанъ славой,
Слезой отчаянья кровавой
    За эту славу платитъ онъ.

Онъ все клянетъ: и радость нашу,
И опьяняющую чашу,
    Гдѣ въ нектарѣ таится ядъ,
И жизнь, и свѣтъ, и вдохновенье,
И тѣ небесныя видѣнья,
    Что сердцу счастья не сулятъ.

Онъ прозрѣваетъ вѣщимъ окомъ
Все, что открылося пророкамъ,
    Но самъ онъ—тайна для людей.
Небесъ чистѣйшіе восторги
И упоенье дикихъ оргій —
    Постигнулъ онъ душой своей.

Когда враждой горитъ полъ—міра,
Вѣщать слова любви и мира
Его порою муза шлетъ.
И онъ, сомнѣнія не зная,
Какъ Моисей съ высотъ Синая,
Нисходитъ съ пламенныхъ высотъ.

И жгутъ слова его, какъ пламень,
И ихъ внимаетъ даже камень,
И сила духа не мертва!
Онъ смотритъ въ даль спокойнымъ окомъ,
И на челѣ его высокомъ
Сіяетъ отблескъ Божества.

О. Н. Чюмина (Михайлова).

Бѣдные люди.

Ночь. Хижина бѣдна, но прибрана опрятно.
Тепло въ ней. Чувствуешь, какъ будто свѣтъ пріятный
Сіяетъ въ сумракѣ подъ кровомъ этимъ скромнымъ.
Рыбачья сѣть въ углу; по стѣнкамъ темнымъ,
На полкахъ—старая разставлена посуда;
Мелькаетъ огонекъ надъ тухнущею грудой
Горящихъ угольевъ въ печи. Кровать большая
Подъ пологомъ видна, а рядомъ съ ней другая
Изъ ветхихъ тюфяковъ. на лавкѣ примощенныхъ:
Тамъ пятеро ребятъ—гнѣздо малютокъ сонныхъ—

Пригрѣлось.—Мать не спитъ: склонившись головою
Къ кровати, молится, и не даютъ покоя
Ей думы черныя; она дрожитъ, блѣднѣя,
И слушаетъ, и ждетъ, отъ страха цѣпенѣя...
А подъ окномъ реветъ могучій и огромный
Ужасный океанъ и мраку ночи темной,
Утесамъ, вѣтру, мглѣ—бросаетъ вызовъ смѣлый
Громадною волной, покрытой пѣной бѣлой.
И чье-то страшное, зловѣщее рыданье
Звучитъ сквозь вихрь и свистъ, и бури завыванья...

Мужъ въ морѣ. Онъ борьбу съ волной и непогодой
Ведетъ уже давно; въ ребяческіе годы
Гнала его нужда на промыселъ опасный,
И сталъ онъ рыбакомъ. Въ дождь, въ вѣтеръ, въ
день ненастный,
И въ стужу, и въ грозу—онъ ѣдетъ,—горя мало!
Ребята просятъ ѣсть,—нельзя бояться шквала,—
Онъ ѣдетъ подъ вечеръ. Одинъ среди тумана,
Онъ правитъ лодкою въ пустынѣ океана.
Какая тутъ нужна отвага и сноровка,
Какъ съ вѣтромъ и съ волной справляться надо ловко!
Повсюду черныя разинутыя пасти
Огромныхъ скользкихъ змѣй, отъ страха стонутъ снасти.
И буря обдаетъ ихъ пѣною холодной,
И бездна жадная реветъ, какъ звѣрь голодный!..

Не спится Жаннѣ. То прибрежныхъ чаекъ крики
Въ ушахъ ея звучатъ, насмѣшливы и дики;
То чудится: растутъ утесовъ грозныхъ тѣни..

Встаетъ межъ ними рядъ мучительныхъ видѣній:
Мерещится рыбакъ да волны—великаны,
Да лодка жалкая подъ гнѣвомъ океана.
Бьютъ старые часы. Она въ тоскѣ глубокой,
Задумавшись,—сидитъ... «Въ борьбѣ съ нуждой жестокой
Какъ трудно вѣкъ прожить! а бѣдность-то какая!..
Ячменный черствый хлѣбъ... И вся семья босая!..
Терпѣть и биться такъ—всю жизнь не знать покоя,—
Изъ-за чего? Зачѣмъ?
Реветъ, какъ мѣхъ кузнечный,
Надъ моремъ ураганъ, а море безконечно,
Какъ молотомъ, стучитъ о берегъ; и сквозь тучи,
Какъ искры кузницы сквозь черный дымъ летучій,
Созвѣздія блестятъ и меркнутъ... Полночь било.
Для баловней судьбы полночный часъ унылый
Веселіемъ кипитъ...
Но въ морѣ этотъ часъ ужасенъ! къ лодкѣ бѣдной
Онъ крадется впотьмахъ, какъ воръ-жестокій, блѣдный,
Окутавшій лицо въ угрюмый плащъ тумана...
Вотъ онъ схватилъ его... Въ могилу океана
Швыряетъ страшною, безжалостной рукою...
Крикъ жалкій заглушенъ соленою волною!..

Все неотвязчивѣй, живѣе и яснѣе
Предъ Жанной рядъ картинъ, одна другой страшнѣе,
Проходитъ, -сердце въ ней болѣзненно сжимая,
Усталые глаза слезами застилая...

Она беретъ фонарь. Ей кажется—настала
Пора идти встрѣчать. Не тише ль море стало?
Свѣтаетъ, можетъ быть? Въ порядкѣ ли сигналы?
Все надо осмотрѣть.
Вотъ вышла—побѣжала...
Нѣтъ,—не видать зари! и океанъ огромный
По прежнему реветъ, закутанъ въ саванъ темный.
Дождь мелкій мороситъ. Она идетъ въ тревогѣ.
Вдругъ словно выросла предъ ней среди дороги
Лачужка ветхая и мрачно, безобразно
Глядитъ убогая изъ-подъ соломы грязной.
Темно въ ней. Дверь дрожитъ, и вѣтеръ, злобно воя·
Играетъ крышею дырявой, чуть живою.
И Жанна вспомнила: «Сосѣдка тутъ больная—
Одна въ такую ночь... Зайду-ка къ ней, узнаю,
Не нужно-ли чего. Совсѣмъ о ней забыла...
Мужъ говорилъ, что ей намедни хуже было...
Провѣдать бѣдную.—И Жанна постучала.
Отвѣта нѣтъ. «Какъ жаль! Больна, а дѣти малы.
И нечѣмъ покормить... Сосѣдка, отворите!»
Все тихо. Домъ молчитъ. «Какъ вы тамъ крѣпко спите!»
Сказала Жанна вслухъ.
Тутъ, словно понимая,
Сама раскрылась дверь—и черная, нѣмая,
Предстала внутренность той хижины убогой
При свѣтѣ фонаря... И Жанна у порога
Застыла въ ужасѣ. Тамъ въ мрачномъ углубленьѣ
На лавкѣ женщина лежала безъ движенья
Съ окоченѣвшими и голыми ногами,

Съ раскрытымъ блѣднымъ ртомъ и мутными глазами,—
Холодный страшный трупъ, откуда отлетѣла
Страдалица—душа. Истерзанное тѣло—
Все, что осталося по окончаньи боя
Терпѣнья гордаго съ нуждой и нищетою!
А рядомъ съ лавкою, гдѣ мертвая лежала,
Счастливымъ, крѣпкимъ сномъ малютокъ двое спало,—
Два крошечныхъ лица, двѣ кроткія улыбки,
Братъ и сестра—рядкомъ въ одной и той же зыбкѣ:
Мать все сняла съ себя, чтобъ имъ теплѣе было,
И, умирая, ихъ заботливо укрыла.

Что Жанна сдѣлала въ лачужкѣ страшной этой?
Что подъ накидкою широкою, надѣтой
Въ защиту отъ дождя, она такъ осторожно
Несетъ къ себѣ домой? И отчего тревожно
Такъ бьется сердце въ ней, дрожатъ и гнутся ноги?
Что озирается пугливо на дорогѣ?
Что спрятала она въ постель подъ одѣяло
За занавѣскою? Да что жъ она украла?!

Когда она пришла домой, уже бѣлѣли
Разсвѣтомъ берега.—На стулѣ у постели,
Вся блѣдная, она въ раздуміи тяжеломъ
Присѣла, стала ждать и мыслямъ невеселымъ
Невольно отдалась. Раскаянье терзало
Ей сердце бѣдное, она дрожа шептала
Безсвязныя слова, ей было страшно, больно...
«Что я надѣлала? Какъ будто не довольно
У мужа и безъ нихъ заботъ и горя было...

И такъ работаетъ бѣдняга черезъ силу,
Чтобъ шестерыхъ кормить,—а тутъ еще чужія...
Идетъ! Нѣтъ... никого...
И времена плохія—
Самимъ не достаетъ... Я скверно поступила...
Ну, что жъ! прибьетъ, пускай... Скажу: я заслужила ..
Вернулся! Вотъ онъ, вотъ...
Нѣтъ, это непогода
Стучитъ. Какъ я глупа! Боюсь его прихода...
Всю ночь ждала, ждала—и вдругъ боюсь... «Уныло
Бѣдняга голову усталую склонила.
Теперь не слышны ей въ тоскѣ ея великой
Ни чаекъ рѣзкій крикъ, ни ревъ стихіи дикой...
Вдругъ отворилась дверь рукою быстрой, смѣлой;
Лучъ утра въ хижину проникъ—веселый, бѣлый...
Вошелъ рыбакъ. Женѣ широко улыбнулся
И радостно сказалъ: «Ну, вотъ и флотъ вернулся!»
И Жанна вскрикнула. Трепещущія губы
Прижались горячо къ его фуфайкѣ грубой,
Онъ ей глядитъ въ глаза, лаская, обнимая...
Разспросы сыплются: «Что ловля?» «Да плохая...
Канатъ у якоря порвался; вотъ и сѣти
Попорчены, хоть брось! Ну, что—здоровы ль дѣти?
Я чуть не утонулъ... Погода страсть какая!
А ты что дѣлала?»— И Жанна, замирая
Отъ страха, молвила: «Я шила, поджидая
Тебя... Боялася... Всю ночь ревѣло море...
А дѣти ничего—здоровы... Знаешь, горе
Какое? Я была подъ утро у сосѣдки...

Бѣдняга умерла вчера... Остались дѣтки»...
И Жанна, бѣдная, краснѣла и блѣднѣла,
И путалась въ словахъ, какъ будто злое дѣло
Безъ мужа сдѣлала.—Они еще такъ малы;
Дѣвченка старшая ходить недавно стала...»
Задумался рыбакъ.
—«Эхъ, чортъ возьми! какъ скверно!
Такая мелюзга... Вѣдь пропадутъ, навѣрно.
Кому охота взять такихъ на воспитанье?
Народъ все бѣдный здѣсь. Своимъ на пропитанье
Дай Богъ достать подчасъ. Вотъ мы помочь бы рады
Да пятеро ужъ есть... Э, чортъ! помочь имъ надо!
Чего тутъ разсуждать? Какое это дѣло
Мудреное,—бѣда!»
И въ уголъ полетѣла
Тутъ шапка рыбака, смоченная волною.
—«Ну, что же за бѣда? Тутъ пять да этихъ двое—
Пусть будетъ семеро! Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ,
Чтобъ дѣти, какъ щенки, одни тамъ околѣли:
Жена, возьми ребятъ! Тащи сюда скорѣе
Ихъ отъ покойницы; имъ, глупымъ, страшно съ нею.
Она, сердечная, ихъ, видно завѣщала
Предъ смертью намъ съ тобой. Возьмемъ! Они такъ малы,
Не объѣдятъ твоихъ... И, можетъ быть, что Богу
Угодно будетъ дать на долю ихъ немного
Побольше рыбы намъ. А станутъ поумнѣе,
Такъ будутъ помогать... Тащи-ка ихъ живѣе!»
И Жанна, приподнявъ кровати покрывало:
«Они давно ужъ здѣсь!»—тихонько отвѣчала.

А. П. Барыковой.

Утро.

Ужъ утро по горамъ ночной покровъ свиваетъ;
Смотри, какъ блѣдный лучъ на башнѣ заигралъ
И ранній гимнъ лѣсовъ на встрѣчу зазвучалъ
Проснувшимся лучамъ; въ сіяньѣ звуки таютъ,
И въ славѣ торжества сводъ неба запылалъ.

Засмѣйся, улыбнись небесному сіянью,
И если завтра смерть нежданно налетитъ,
Увидишь, скорбь твою вновь солнце озаритъ,
И птицы запоютъ все также, въ ликованьѣ,
Надъ мѣстомъ, гдѣ твой прахъ безмолвный будетъ
скрытъ.

Но тамъ, въ странѣ иной душа твоя проснется,
Нездѣшней радостью опять оживлена:
На утрѣ вѣчности пробудится она,
Отъ жизни, на землѣ покинутой, очнется
Какъ отъ тяжелаго томительнаго сна.

Л. Кублицкая—Піонтухъ.

Читаютъ дѣти въ сельской школѣ.

Читаютъ дѣти въ сельской школѣ,
Читаютъ хоромъ, по складамъ;
Учитель сердится, и въ поле
Несется звонко школьный гамъ.

Смотрю: дверь школы пріоткрыта...
Иду я дальше. Тамъ, вдали,
Трепещетъ лѣсъ; во всемъ разлита
Тревога сладкая земли.

И все поетъ, и все смѣется
На торжествѣ весеннихъ дней,
Цвѣтокъ ли скромный развернется,—
Онъ точно сотканъ изъ лучей.

Какъ школьникъ съ помощью картинокъ,
И я учусь... Творцу хвала!
Что за поэзія—барвинокъ!
И что за стихъ—полетъ орла!

Увы! ничто не безупречно;
Ничто! Какъ скрыть невольный вздохъ?..
Бокъ-о-бокъ съ лиліями вѣчно
Растетъ злодѣй—чертополохъ!

Свистятъ дрозды, любуясь утромъ;
А въ камышахъ уже чирокъ
Нашелъ добычу: перламутромъ
Блеститъ во рту его кусокъ.

Ахъ! это рыбка въ агоніи...
Бѣдняжка поймана чиркомъ;
А мигъ назадъ—въ родной стихіи
Она гналась за червякомъ...

Блеснулъ огонь изъ-за бурьяна...
Лай... выстрѣлъ ловкаго стрѣлка...
И я почувствовалъ, что рана
Въ груди природы глубока!

Но, видя міръ съ его улыбкой,
Загадку зла счелъ втайнѣ я
Орѳографической ошибкой
Въ великой книгѣ бытія.

Иванъ-да-Марья.

Смотри: вотъ эта вѣтвь.

Смотри: вотъ эта вѣтвь зимою почернѣла,
Ручьемъ струится дождь съ коры обледенѣлой;
Но подожди, пока совсѣмъ пройдетъ зима,—
И ты увидишь вновь, какъ жесткіе покровы
Коры, сковавшей вѣтвь, пробьетъ листочекъ новый,
И—какъ онъ могъ пробить ихъ? спросишь ты сама.

Спроси же ты, зачѣмъ, когда твое дыханье
Коснулось вновь души, извѣдавшей страданье,
Ожесточенной, ставшей черствою ко всѣмъ,—
Зачѣмъ забилось въ ней ключемъ струя живая?
Зачѣмъ я сыплю вновь, душою разцвѣтая,
Стихи къ твоимъ стопамъ? Зачѣмъ, спроси, зачѣмъ?

Затѣмъ, что свой законъ у міра и у счастья;
Затѣмъ, что свѣтлый лучъ смѣняетъ мракъ ненастья;
Что, за отливомъ вслѣдъ, приливъ несетъ волна;
Затѣмъ, что вѣтерокъ играетъ вѣтвью гибкой;
Затѣмъ, что горя гнетъ смѣненъ твоей улыбкой,
И что была зима, и что теперь—весна!

Иванъ-да-Марья.

Надежда каждая.

Надежда каждая, какъ нѣжная свирѣль, —
Увы, простой тростникъ!.. Вся наша жизнь и сила
Всегда въ рукахъ Творца; и ночью ль, на зарѣ ль—
Онъ властенъ нить порвать, лишить всего, что мило:
Гдѣ колыбель,
Тамъ и могила.

Когда-то, видишь ли, грядущее въ лучахъ
Очамъ души моей восторженной являлось—
Какъ на небѣ звѣзда, какъ лебедь на волнахъ,
Какъ роза, что весной на солнцѣ распускалась...
Но греза въ прахъ
Теперь распалась!

Ахъ, если кто-нибудь заплачетъ близь тебя,
Не спрашивай его, о чемъ бѣднякъ рыдаетъ:
Тому, кого судьба преслѣдуетъ шутя,
Такъ сладко выплакать, что въ сердцѣ накипаетъ!
Слеза, дитя,
Съ насъ все смываетъ!

Иванъ-да-Марья.

Школьный учитель.

Не мучьте же его, страдаетъ онъ. Онъ—тотъ,
Въ чьей жизни не сіялъ лучъ счастья безъ заботъ.
Раба не принимайте, дѣти, за тирана!
Когда въ вашъ шумный классъ онъ входитъ утромъ
рано
И съ каѳедры на васъ задумчиво глядитъ
И, можетъ быть, въ себѣ высокій духъ таитъ
Тѣхъ римлянъ, о которыхъ въ книгахъ вамъ читаетъ,—
О, вы, чей нѣжный возрастъ радость озаряетъ,
Не мучьте вы его! не смѣйтесь вы надъ нимъ!
Подъ игомъ жизни всѣ мы гнемся и кряхтимъ.
А онъ—онъ факелъ тотъ, который, освѣщая
Ночную тьму, блеститъ, смиренно самъ сгорая.
Да! этотъ сухопарый, блѣдный человѣкъ,
Вашъ, дѣти, старшій братъ, влачащій грустный вѣкъ
Здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ, томимый вѣчно скукой,
Скрываемой нуждой и рабства тяжкой мукой;
Хоть молодой годами, съ жаждой жить въ крови,
Но съ разумомъ безъ крыльевъ, съ сердцемъ безъ
любви,—
Онъ, въ жаркій полдня часъ, зари ждетъ идеальной..
О, дѣтство, сжалься-жъ ты надъ юностью печальной!

Учитесь познавать, о, дѣти, до борьбы,
Неравенства души, неравенства судьбы.
Учитель вашъ вдвойнѣ достоинъ уваженья:

Таща васъ всѣхъ съ собою въ область просвѣщенья,
Бѣднѣе онъ, чѣмъ вы, и вдвое старше васъ!
Подумайте о томъ, что въ школѣ каждый часъ
Онъ, сынъ лачуги скромной, затаивъ страданье,
Потоки свѣта льетъ, даетъ вамъ мысли, знанье—
Вамъ золото даетъ, нуждаясь въ хлѣбѣ самъ!
О, школьники! разсѣвшись чинно по скамьямъ,
Серьезно относитесь къ утреннимъ занятьямъ.
Смотрите: вашъ учитель блѣденъ, а подъ платьемъ,
Увы! сочится кровью сердце у него;
Онъ воздуха лишенъ, огня, любви,—всего;
Подобенъ онъ травѣ, съѣдаемой стадами;
Смѣетесь вы,—а онъ не смѣетъ передъ вами
Заплакать, хоть душа въ немъ рвется на клочки!
Подумайте, что гнѣвъ на васъ, ученики,
Въ немъ равносиленъ просьбѣ пощадить его же.
Вамъ за урокомъ скучно, онъ томится тоже;
Въ часы досуга—вновь его грызете вы:
Онъ выкинуть не можетъ васъ изъ головы;
И мысль его—сперва листокъ бумаги бѣлой—
Испачкана вконецъ руками школы цѣлой.
Исчерпавъ въ немъ всю память, сердце истрепавъ,
Смѣшкомъ иль стукомъ мысль въ немъ дерзко испу-
гавъ,
Свои въ его умѣ строчите вы замѣтки...
Когда порой, забывъ тетради, классъ, отмѣтки,
Отдастся онъ мечтамъ,—на ихъ лазурь тотчасъ
Пролить струю чернилъ спѣшитъ жестокій классъ!
Какъ стая хищныхъ птицъ, стремятся ваши перья

Клевать въ немъ сердце, мозгъ,—и нѣтъ въ немъ къ
вамъ довѣрья!
Не въ силахъ мыслить онъ: не можетъ онъ уснуть.
Отъ каждаго изъ васъ ему не ускользнуть!
Да! каждый школьникъ—нить, которою онъ связанъ;
Когда бъ, стремясь забыть все то, къ чему обязанъ,
Онъ вздумалъ улетѣть въ заоблачную высь,—
За нимъ ученики бы слѣдомъ понеслись
И, какъ свинецъ, на крыльяхъ грезъ его повисли,
Влача его къ землѣ съ высотъ безсмертной мысли!
Онъ—мученикъ святой; вокругъ него лучи
Страданія; и вы, малютки—палачи,
Живого на крестѣ безжалостно распяли!
И день, и ночь его—игрушкой вашей стали;
Вашъ рѣзвый, буйный рой онъ носитъ на челѣ;
Вашъ смѣхъ, забавы, шумъ,—какъ буря по землѣ,—
Скользятъ по немъ всю жизнь насмѣшкой безсердеч-
ной.
Увы! онъ—скорбь, тогда какъ вы здѣсь—праздникъ
вѣчный.
Увы! онъ—спитъ, тогда какъ вы—веселый хоръ!
И, можетъ быть,—какъ знать?—скрывая, какъ позоръ,
Поступокъ честный свой, несчастный этотъ малый,
Съ потертыми локтями, блѣдный, исхудалый,—
Котораго и нищій пожалѣть бы могъ,—
Имѣетъ бѣдняковъ родныхъ, цѣной тревогъ,
Лишеній и труда имъ втайнѣ помогая;
Быть можетъ, онъ копитъ,—ночей не досыпая
И вамъ переводя легенды всѣхъ вѣковъ,—

Гроши, чтобъ былъ огонь зимой для стариковъ
Иль лепта у сестры молоденькой весною...
И горькая слеза живительной росою
Становится для тѣхъ голубокъ дорогихъ,
Которыхъ кормитъ онъ трудами рукъ своихъ.
Подумайте, что онъ для цѣли этой, дѣти,
Слѣпитъ себѣ глаза, выноситъ все на свѣтѣ,
Вертится день и ночь, какъ бѣлка въ колесѣ!..
Для васъ—жизнь впереди, во всей ея красѣ;
Изъ школы, какъ изъ клѣтки, скоро вольной птицей
Вспорхнете вы; ему же - вѣчною темницей
Она была и будетъ! вспомните, что онъ
Не пѣть и не смѣяться рокомъ осужденъ!
Грядущее для васъ—весна, апрѣль цвѣтущій;
А для него равны день прошлый, день грядущій:
Все глухо и мертво,—сегодня, какъ вчера;
Въ іюлѣ—та же все декабрьская пора;
Всегда одна и та же келья съ коркой хлѣба
Всегда одно и то же сѣренькое небо.
Когда жъ, расправивъ крылья, станете потомъ
Вы взрослыми людьми, онъ станетъ старикомъ!
И—если не промчится вѣтеръ благодатный,
Не унесетъ его въ міръ Божій необъятный,—
Онъ будетъ вѣчно тутъ же, въ школѣ, у дверей,
Веселымъ играмъ чуждъ, дѣлить тоску дѣтей!..
О, пусть же ваша мысль доставитъ облегченье
Тому, кто осужденъ судьбой на заточенье!
Сравните, что даетъ онъ, съ тѣмъ, что онъ беретъ,—
И, въ вашемъ мнѣньѣ, пусть растетъ онъ и растетъ,

Преображаясь быстро въ мощнаго героя,
Дающаго вамъ мечъ, отточенный для боя—
Искусство и науку,—васъ уча, какъ жить,
За красоту бороться, истинѣ служить.
Священнымъ станетъ онъ для васъ, въ своемъ стрем-
леньѣ
Вести васъ все впередъ, въ завѣтномъ направленьѣ
Къ тому, что справедливо, честно, высоко!..
Гдѣ овцами—сердца, быть пастыремъ легко.

Иванъ да Марья.

Не бойся.

Не бойся, добрая и любящая мать,
За сына своего, когда онъ понимать
Такъ рано началъ все! Не полагай, что это
Недолговѣчности опасная примѣта.
Пускай твой маленькій задумчивъ и угрюмъ,
Какъ будто ужъ его коснулся сумракъ думъ!
Кто знаетъ? Можетъ—быть, подобно птичкѣ
бѣлой,
Сидящей на скалѣ, въ виду освирѣпѣлой
Пучины моря, онъ ужъ видитъ сквозь туманъ,
Какъ близится къ нему весь жизни океанъ.
Ребенокъ хмурится, какъ птичка хохлитъ перья;
А ты, полна любви, исполнись и довѣрья
Къ святому Промыслу и посмотри свѣтло

На это милое и умное чело.
Мечтаетъ онъ? Такъ что-жъ? къ мечтамъ такъ
близокъ геній!
Мечты созрѣютъ тѣ при свѣтѣ размышленій;
Мыслитель будетъ онъ, а мысль—святой залогъ
Всего великаго, въ ней жизнь міровъ, въ ней
Богъ!
Да! пламенная мысль, сказавъ «твори!» таланту,
Даетъ Мильтону рай, адъ завѣщаетъ Данту...
Повѣрь: великая ребенка участь ждетъ,
Когда онъ жаждетъ знать, когда предузнаетъ.
Недаромъ дѣйствуетъ въ немъ Прометеевъ пла-
мень.
Онъ вопросительно глядитъ теперь на камень,—
А тамъ, съ рѣзцомъ въ рукѣ и съ мраморомъ
въ борьбѣ,
Онъ Микель-Анжело намъ воскреситъ въ себѣ
И дивный образъ дастъ порфирамъ и гранитамъ;
Или воителемъ предстанетъ знаменитымъ,
И посреди царьковъ и поземельныхъ картъ
Въ немъ міру явится Францискъ иль Бонапартъ,
И царственный игрокъ, лишь славы отголоску
Внимая, міръ сочтетъ за шахматную доску,
Гдѣ будетъ раздвигать послушныхъ пѣшекъ рядъ,
Пока ему судьба не скажетъ: шахъ и матъ!
Какъ знать: пойдетъ съ трубой иль подъ ком-
паснымъ румбомъ
Онъ въ небо Гершелемъ иль въ океанъ Колум-
бомъ—

Схватить сквозь горы волнъ или сквозь весь эѳиръ
Иль новую звѣзду, иль новый чудный міръ,—
Кто вѣдаетъ? Среди младенческихъ усилій
Растетъ, быть—можетъ, въ немъ пѣвецъ пѣвцовъ—Виргилій,
Стремящійся сорвать безсмертія вѣнецъ,
Стихомъ поколебать весь міръ и, наконецъ,
Крылатымъ геніемъ, подобно дивной тѣни,
Витать потомъ среди грядущихъ поколѣній.

В. Бенедиктовъ.

Скажи лишь: „О, Боже, помилуй всѣхъ насъ".

Угодна молитва невинная Богу...
Онъ благостно внемлетъ моленьямъ дѣтей.
Повѣрь мнѣ: все въ мірѣ имѣетъ дорогу...
Стремятся потоки въ пучины морей,
Пчела на цвѣтокъ ароматный садится,
Орелъ величаво паритъ къ облакамъ,
Злой коршунъ къ могилѣ суровой стремится,—
Молитва дитяти—летитъ къ небесамъ!..

Когда твои рѣчи несутся къ святынѣ,
Я будто бы странникъ, свершающій путь,
Сложившій всю ношу въ прелестной долинѣ,
Чтобъ въ ней съ упоеньемъ на мигъ отдохнуть;

Мнѣ легче, я полонъ блаженныхъ мечтаній...
Въ тотъ мигъ отлетаетъ вся горечь моя,
Все бремя печали, тоски и страданій
Уноситъ святая молитва твоя!

Ты жъ, Хранитель, ангелъ чистый,
Другъ ребенка моего,
Осѣни крыломъ лазурнымъ
Жизнь и счастіе его!
Охраняй его повсюду,
Двери къ счастью укажи
И на жизненной дорогѣ
Отъ порока удержи!
И присутствіемъ чудеснымъ
Духъ ребенка укрѣпляй,
И дыханіемъ небеснымъ
Счастье рая навѣвай!

П. Вейнбергъ.

Я грезилъ.

Я грезилъ.—Весь окутанъ свѣтлыми тѣнями,
Спускался лѣтній вечеръ; мирными огнями
Сіяла глубь долинъ; а моря синій валъ
Баюкалъ лебедя. И, полны вдохновенья,
Слились въ одной хвалѣ двѣ крайности творенья—
И голосамъ обѣихъ чутко я внималъ,

Все то, что на землѣ ничтожно такъ и мало,
Всему великому хвалебный гимнъ слагало,
И атома дарилъ улыбкой великанъ.
Весь міръ одушевленъ любовью былъ одною;
Гора твердила: какъ цвѣтокъ хорошъ собою!
А мошекъ рой жужжалъ: какъ дивенъ океанъ,

Иванъ да Марья.

Розѣ молвила могила.

Розѣ молвила могила:
— Вотъ роса тебя покрыла;
Что творишь ты съ ней потомъ?
А ее спросила роза:
— Ты, живущему угроза,
Что творишь ты съ мертвецомъ?

Молвитъ роза: изъ росинокъ,
Чистыхъ Божіихъ слезинокъ,
Ароматъ я лью въ тиши.
А могила отвѣчала:
— Въ лонѣ смерти вырастаетъ
Божій ангелъ изъ души,

Иванъ-да-Марья.

Порой, когда все спитъ.

Порой, когда все спитъ, сажусь я, восхищенный,
Подъ куполомъ изъ звѣздъ, ихъ блескомъ освѣщенный,
И слушаю: нейдутъ-ли сверху голоса?
И время бьетъ меня крыломъ своимъ напрасно,
Когда я созерцаю праздникъ тотъ прекрасный,
Который въ часъ ночной даютъ намъ небеса.
Мнѣ кажется тогда, что въ этомъ царствѣ свѣта
Одна моя душа лучами звѣздъ согрѣта;
Что мнѣ лишь одному понять ихъ суждено;
Что я, нѣмая тѣнь, тѣнь призрака земного,—
Таинственный король величія ночного;
Что небо для меня Творцомъ освѣщено!

Иванъ-да-Марья.

Когда порой дитя появится.

Когда порой дитя появится межъ нами,
Съ своими свѣтлыми, какъ ясный день, очами
И съ милою усмѣшкой на устахъ,
Невольно на челѣ расходятся морщины,
Мы забываемъ все: заботы и кручины,
Волненія и страхъ.

Свѣтлѣетъ ли кругомъ весенняя природа,
Иль бурной осени глухая непогода
Стучится въ двери къ намъ и бьетъ дождемъ въ окно,—
Дитя приблизилось—и въ сердцѣ вашемъ радость;
Его присутствіе во все вливаетъ сладость,
Имъ все озарено.

Бесѣдуемъ ли мы, обмѣниваясь въ чувствахъ,
О громкихъ подвигахъ, свободѣ и искусствѣ—
Дитя пришло—и гаснетъ разговоръ:
Прощай поэзія, отечество и слава!
Малютки рѣзваго веселая забава
Къ себѣ влечетъ нашъ взоръ...

Въ часы полночные печальна повсемѣстность:
Безмолвныхъ призраковъ исполнена окрестность,
Туманна даль, безцвѣтны небеса—
Но только лучъ зари освѣтитъ неба своды,
Долины, пажити, лѣса, пригорки, воды—
Все—звуки, все—краса!

Я—ночь, а ты, дитя, денницы лучъ разсвѣтный.
Глазами свѣтлыми, улыбкою привѣтной
И лепетомъ прерывистыхъ рѣчей
Ты разгоняешь грусть въ моемъ потухшемъ взорѣ;
И горе при тебѣ становится—не горе,
И какъ-то веселѣй...

И это оттого, что взглядъ твой полонъ ласки,
Что на щекахъ твоихъ играютъ жизнь и краски,
Что мысль твоя, какъ Божій день, свѣтла,
Что на челѣ твоемъ нѣтъ ни единой тучки,
Что бѣлыя твои, какъ снѣгъ нагорный, ручки
Не прикасались зла.

Да, это оттого, что ты, по волѣ Бога,
Идешь, пока, отъ насъ отдѣльною дорогой,
Невинностью младенческой дыша;
Что ты, не зная насъ, во всемъ намъ вѣришь смѣло,
Что все небесное въ тебѣ осталось цѣло,
Все—сердце и душа.

Господь! я шлю къ Тебя моленіе живое,
Чтобъ я, чтобъ даже врагъ не зналъ мой, что
такое
Безъ тѣни садъ, поляна безъ цвѣтовъ,
Деревья безъ плода, поля безъ всходовъ хлѣба,
Безъ солнца майскій день, безъ звѣздъ ночное
небо
И кровля безъ птенцовъ!

С. Дуровъ.

Ребенокъ пѣлъ.

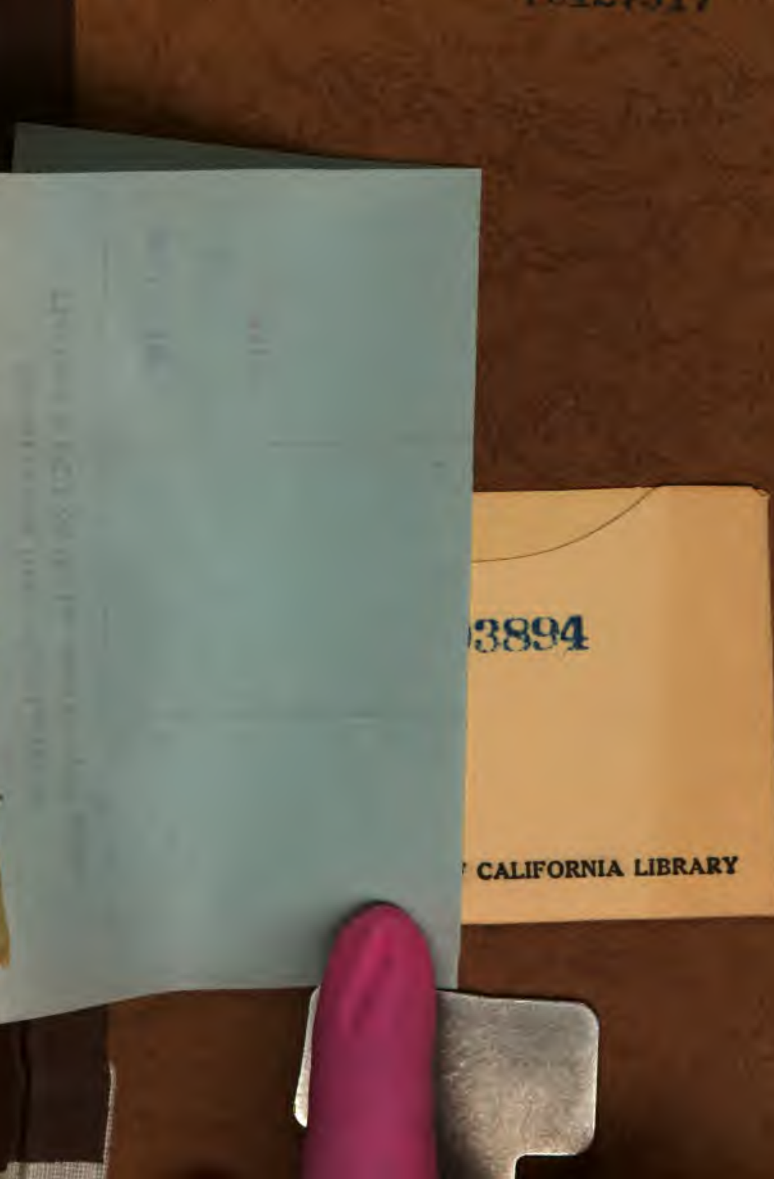
Ребенокъ пѣлъ... а мать въ предсмертныхъ му-
кахъ
Металася на ложѣ день—деньской,
И слышались въ печально—рѣзкихъ звукахъ
Ребячья пѣснь и хриплый стонъ больной.
Пять только лѣтъ тебѣ, невинный крошка,
Какъ птичка ты весенняя точь-въ-точь,
Весь день поешь, играя у окошка,
А близь тебя мать кашляетъ всю ночь.
И вотъ она сошла въ могилу скоро...
Дитя же все по-прежнему поетъ...
Страданье—плодъ, но плодъ такой, который
Господь вѣтвямъ окрѣпнувшимъ даетъ.

С. Дуровъ.

Тип. [illegible] РНИГЬ, арЕНД. [illegible]

3894
CALIFORNIA LIBRARY

агазинъ Общества распростр. полезн. книгъ.

остр полезн. книгъ, аренд. В. Кудиновымъ.

